КАРИНА
ДЕМИНА
КИЩХЕН
ВСТУПАЕТ
В БОЙ

Кицхен и другие

Карина Демина

Кицхен вступает в бой

«автор»
2026

Демина К.

Кицхен вступает в бой / К. Демина — «автор», 2026 — (Кицхен и другие)

Война все-таки началась. Крепость в осаде. Горы в огне. Вокруг големы, танерийцы и демоны, а ещё – коварные интриги, игры Короны и древние легенды, которые того и гляди оживут. Но когда оживающее некромантов пугало? Это вообще, можно сказать, работа по профилю. А что до остального… кто напал, тот сам и виноват. Фантазия у Каэр богатая, сила тоже в запасе имеется.

© Демина К., 2026
© автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 29
Глава 6 36
Глава 7 43
Глава 8 49
Глава 9 57
Глава 10 62
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Карина Демина
Кицхен вступает в войну

Глава 1
В которой война начинается

Джон открыл ноутбук и увидел что ему письмо, судя по помятым уголкам из далека
О некоторых сюрпризах джин-почты.

Спать Трувор не лёг. Скорее он в какой-то момент осознал, что стоит у постели, смотрит на неё, пытаясь понять, есть ли смысл ложиться или до рассвета всего ничего, а дел ещё много.

И вообще…

Укрепления.

Стены.

Личный состав. Ров, который уже почти и не вонял, но в нынешних обстоятельствах это нельзя было считать преимуществом. Силовые нити.

Поле.

Щиты.

Огнебои и голем, наполовину разобранный к огромной радости юных тэр, поклявшихся, что это не страшно, что они, честное слово, соберут всё обратно и сделают как было. Или даже лучше.

Казармы. И офицеры-мертвецы, которыми командовал Балтазар Одноглазый. Завёрнутый в простыню интендант, совершенно не похожий на нормального интенданта.

Представление личного состава новым офицерам.

Или новых офицеров личному составу?

Молчали и те, и другие, глядя друг на друга с немалым подозрением.

Оптограф, который всё-таки перестал работать, и тэра Урсула, глянув на него, сказала, что эту груду металла стоит пустить на запчасти к «Скорпиону», всяко больше пользы будет. Потому что дело не в износе самой конструкции, а в камнях. Передающий кристалл изначально был с внутренним дефектом, а принимающий от возраста и износа разломился надвое. И надо заказывать новый.

И нет, любой другой не подойдет, даже если схож по размеру. Нужен камень определенной чистоты и с правильной огранкой.

А к нему – настройщик, чтобы откалибровал нужный диапазон световых волн.

В общем, дело ясное.

И дело тёмное.

И такое, в котором сходу не разобраться.

Главное, что все эти дела возникли как-то сразу, и все же требовали, если не участия в них Трувора, то его присутствия, а присутствовать сразу в нескольких местах было сложно. И как, когда он всё же дошёл до постели, осталось загадкой.

Но дошёл.

Посмотрел.

И лёг. Аккуратно так. На бочок. Меч положил рядышком, и это окончательно успокоило. Закрыл глаза… на сей раз сон был без драконов.

Но с крепостью.

Правда, выглядела она совершенно иначе. Много меньше. И вообще на крепость похожа очень отдаленно. Этакий квадрат из камня с парой башен. Та, что повыше, стоит на месте башни Командора. Вторая приземистая, уродливая, но может похвастать короной зубцов поверху. Трувор знал, что меж зубцами скрываются стреломёты.

Есть и пара катапульт.

Гранитные ядра.

И просто камни, обёрнутые ветошью, которую пропитали земляным маслом. Хватит искры, чтобы масло вспыхнуло и камни полетели на головы врагам.

Суетятся люди, спешат… только не успеют. Трувору сверху видна не только крепость, но и в целом горы. Он парит, то ли как птица, то ли как дракон, главное, что от глаз его не укрылась и стальная змея чужого войска. Её голова вот-вот окажется у стен крепости, тогда как хвост теряется в каменных отрогах.

– Это так было? – спросил он.

Но никто не ответил.

А войско вот остановилось в узкой, зажатой меж гор, долине. Точнее не все войско, оно все ещё двигалось, где-то там, впереди и позади. Но в долине развернулся… штаб?

Похоже на то.

Ветер, метнувшись меж шатров, тронул разноцветные бунчуки на копьях, заглянул в один, в другой и поднялся выше, принеся Трувору смесь запахов. А ещё понимание, что люди там, внизу, не готовы отступать.

У них круглые лица.

Узкие глаза.

Их лбы и щёки покрыты синими узорами. А губы выкрашены алым, будто эти люди пили кровь. Они коротконоги, но крепки.

И воины умелые.

Их лошади низкорослы и тонконоги, но при этом шкуры их отливают металлическим блеском. И Трувор знает, что эту шкуру не всякая стрела пробить готова. А ещё кони выносливы и сильны.

И бесстрашны, как хозяева.

Перед самым высоким шатром собираются люди, они садятся полукругом, прямо на землю. И только когда собираются все, из шатра выходят двое. Первый седовлас и благообразен, и пусть облачен в доспех, но видно, что это не воин – мудрец. Второй, наоборот, весьма молод. Его лицо кажется узким, а кожа – белее, чем у остальных.

Тонкие брови.

Изящный нос с горбинкой. И – тёмные волосы, собранные на макушке в хвост. Хвост распадается на тонкие косички, в каждой из которых поблескивает камень. Впрочем, их блеск ничто по сравнению с яростным сиянием кристалла на груди юноши. Огромный, с куриное яйцо, если не больше, тот вставлен в пасть змея. И тонкое чешуйчатое тело обвивает кристалл, нежно и надёжно.

Артефакт?

Даже с высоты, на которой Трувор находится, он видит пульсацию силы. И то, что уходит она в тело Великого хана – а Трувор не сомневался, что именно его и видит перед собой. И то, что каждая змеиная чешуйка была частью сложнейшего узора.

Это…

Что это?

Юноша поднял руку, и гомон голосов стих. Он заговорил. Трувор не понимал ни слова, но юношу слушали внимательно, жадно. И каждое произнесенное им слово отзывалось в людях.

Слово и сила.

Пульсация.

Сердце змея билось в такт с остальными. Воздействуя на них? Похоже, что так. Воздействуя и подчиняя уже человеческие сердца. Юноша взмахнул рукой, и сидящие вскочили. Он указал вдаль. И рёв многих голосов стал ответом на вопрос…

– Что за… – Трувор захотел подняться выше.

И поднялся.

Теперь он видел горы.

И горные тропы.

Туман, густой-густой, как сметана. Он рождался в пальцах седого старца, чтобы сползти вниз, чтобы укрыть и крепость, и все дороги. В этом тумане тонут звуки. В тумане исчезают и люди, и лошади. Даже танерийцев пугает этот туман.

Железная змея замерла. Она готова идти дальше, но…

Старик разводит руки, стряхивая капли силы, потом что-то говорит юноше, а тот передаёт сказанное дальше. И от войска отделяются несколько отрядов. Они знают пути, древние дороги, созданные, чтобы объединить земли по обе стороны горной гряды, облегчив путь купеческим караванам.

Но теперь купцов не было.

А были танерийцы, которые ушли… И само войско двинулось дальше. Ближе к крепости. Оно двигалось неспешно, неумолимо. И Трувор знал, что будет дальше.

Знал, но…

Тревожный рёв рога заставил его вздрогнуть. Кто-то там, в кромешном тумане, всё равно увидел. Понял? Предупредил…

Рог хрипел, рычал и вовсе выл диким зверем. И этот голос подхватили другие.

Сон рассыпался.

Раз и всё…

Трувор очнулся в кровати. Он лежал, глядя в потолок, пытаясь осознать себя наяву. Но получалось не слишком хорошо.

Запах дыма.

Стали.

Беды… рёв рога, который продолжался, громкий и ясный, как наяву.

Наяву.

Здесь голос был иным. Злым. Негодующим. Полным ярости и требующим… что за… и отзываясь на него полыхнул силой меч.

– Тревога! – Трувор скатился с постели. – Тревога!

Кому он орал?

Он не знал…

Он подхватил меч и бегом бросился из комнаты, вытягивая изнутри силу, готовый ударить, отразить…

Во дворе было довольно людно.

Солдаты.

Офицеры… молодняк замер, запрокинув головы. И Грегор, выскочивший в одних подштанниках, что-то разглядывал в небесах, указывая на них пальцем. А Оливер смотрел и молился, сжимая в пальцах крест. Балтазар махал руками, пытаясь навести порядок, но получалось плохо. Люди… люди, кажется, не понимали, что происходит. Впрочем, сам Трувор тоже не понимал, что происходит.

В центре двора стоял Карлайл дэр Каэр в позе довольно странной. Одну руку он воздел к небесам, причём вместе с тростью, а второй придерживал шляпу.

Трувор тоже посмотрел наверх.

Небо пытало огнём. Рассветным и собственным, правда, собственный был мертвенно-зеленым, характерным таким.

– Доброго утра, – тэр Бернхард тоже вышел во двор и посмотрел на небеса. – Любопытно, однако.

– Это ведь начало?

– Да.

– Вы же говорили, что время есть.

– Я человек, могу ошибаться. Как и матушка. И Контора… особенно Контора. В этих играх, тэр Трувор, всегда есть шанс, что какой-нибудь неучтённый фактор возьмёт и поломает всю игру.

– Вроде него? – Трувор указал на мага смерти, от которого в небеса уходил поток силы. Особенно издевательским казалось, что направлялся поток не через жезл или там посох, как у приличного мага, а через обыкновенную, пусть и неимоверного изящества трость.

– Именно.

– Но, как понимаю, он для Конторы – вполне себе учтённый фактор?

– Вот тут судить не возьмусь, – Бернхард тоже с интересом наблюдал за происходящим. – Сам я не работаю, хотя порой случается сотрудничать. Однако так уж вышло, что я чуть лучше остальных понимаю специфику данной организации. И методы её работы…

Сила расходилась веером, образуя некое подобие щита, который то и дело вспыхивал, принимая удары… чего?

– Не сомневаюсь, что Контора знает об этом замечательном семействе больше, чем остальные. Но сомневаюсь, что даже они знают всё. Поэтому для нас Каэр тоже неучтённый фактор. Однако скорее положительного толка… никогда не видел, чтобы кто-то так легко, даже играючи, обезвредил Слёзы Вдов.

– Это… что вообще такое?

– Нет, могу, конечно, ошибаться… последний раз данное заклятье использовалось лет этак сто тому… или даже сто пятьдесят? Навскидку и не скажешь. Оно отличается не только сложностью исполнения, но и требует немалых сил. А маги у храмовников, пусть и в большом количестве имеются, но большею частью средненькие. В тот раз заклятье было создано усилиями трёх родов. И почти полностью уничтожило приграничную заставу и казармы Второго стрелкового.

Вспышек становилось больше.

Белые.

Красные.

И зеленые. Разноцветные и даже нарядные, они добавляли красок рассветному утру. И вообще почему-то тревоги не ощущалось. Напротив, такое вот… настроение, будто праздник.

Фейерверк.

Фейерверки на дворцовых празднествах регулярно устраивали. А нынешний отличался редкостным многоцветьем, пусть и проигрывал в структурности – все же вспышки были разномастными и не спешили складываться ни в вензеля королевские, ни в лебедей, ни в иные фигуры.

– Основная сложность состоит в том, что заклятье – многокомпонентное, представляющее по сути своей рой, составленных из нескольких сотен или тысяч малых структур, каждая из которых заряжена собственной силой. Это как… как если представить себе ёмкости, наполненные огнём, кислотой, ядом, раскаленным металлом и что там ещё под руку подвернется. И вот эти ёмкости поднимают, а потом бросают с высоты. И они устремляются вниз, чтобы, при соприкосновении с землёй, рассыпаться и выплеснуть силу.

– Или не с землёй.

– Как понимаю, сила смерти просто разрушает оболочки, а… видите вспышки? Это уже огненный щит. Он поглощает распыляющуюся энергию, перенаправляя в связующие узлы.

Признаться, ни разу не видел, чтобы две не самых простых силы работали, если не совместно, то в одной связке, не дестабилизируя друг друга.

– Так привыкли. Мы с детства в связке, – некромант подошёл поближе. – Не помешаю?

И зевнул. И смутился:

– Извините. Я только вот проснулся… лёг чутка. Силы восстановить. А то вот оно как-то… вытягивает. Воскрешение. Стабилизация. И мертвецы пошли на диво капризные… то нос их прежний не устраивает, то ягодицы хотят покрепче. Кому тут на эти ягодицы любоваться? Я вообще повыдохся, если так-то… А тут рассвет и эти. Свинство же полное…

Ответом стала дрожь земли.

– Вот! И опять гору трясут. Килли ж еще в городе?

– К рассвету вернуться обещали, – ответил тэр Бернхард. – Он собирался дорогу доделать. Обозники очень уж просили.

– А… тогда понятно, – некромант с трудом зевок сдерживал. А вот гору снова тряхануло. – Чтоб… ладно, надеюсь, гора выдержит… то есть, они надеялись нас… того? – некромант задрал голову. – Ещё немного осталось…

– А ваш брат выдержит?

– Должен… главное, чтобы никто палец не порезал.

– Почему? – удивился Трувор.

– Карлуша вида крови не переносит. В обморок падает.

– Он же маг смерти!

– Ну и что? Это ж к силе не привязано. Это нервы. А оно не лечится… его напугали в детстве.

– Кто?

Кто в здравом уме рискнет пугать мага смерти, даже маленького. Особенно маленького. Детям, если что, даже обвинение не предъявишь. А некромант плечами пожал и ответил:

– Понятия не имею. Знал бы, сам бы тому уроду башку открутил. Карл в столицу нормальным уехал, с матушкой встречаться, а вернулся вот… и рассказывать не захотел. Сложности у него там были. С родственниками. Знаете, как оно случается порой…

Трувор знал.

Но все равно, при всех его личных родственных сложностях, никто бы не стал его пугать. Да и… надо бы отцу написать. Помириться. Или хотя бы просто написать.

Успокоить там.

И вообще… он ведь не желал дурного, если так-то. Напротив… а Трувор вот задурил.

– Неучтённый фактор, – произнёс тэр Бернхард презадумчиво. – Что ж… но да, в любом ином случае это нападение было бы крайне сложно отразить. Даже будь крепость в отличном состоянии, стандартные щиты не выдержали бы такого количества точечных разнонаправленных снарядов. Сколько их?

– Двенадцать тысяч триста сорок два, – ответил уже сам маг смерти, опуская руку и поморщился. – Следует признать, что пройма действительно несколько узковато. Неудобно, если долго руку держать задранной. И плотная подбивка в плечах тоже мешает…

Он пошевелил этими самыми плечами и постучал, сперва по правому, потом по левому.

– Безусловно, подбивка конским волосом позволяет придать силуэту должное изящество, однако, следует признать, что в определенных условиях она ограничивает подвижность…

– Двенадцати тысяч триста сорок…

– Два, – уточнил Карлайл. – И еще какое-то количество упало за пределами крепости, но тут уже подсчет несколько затруднен…

Трувор задрал голову как раз, чтобы увидеть, как медленно гаснет огненная сеть, растянувшаяся над крепостью. И тотчас, где-то там, вдалеке, снова заревел рог. Но уже не тревожно. Напротив. В голосе его звучало торжество.

Впрочем, длилось оно недолго.

Дикий нечеловеческий рев перекрыл голос рога. Он донесся откуда-то из глубин пропасти, или с той стороны гор, или даже отовсюду. В этом реве клокотала ярость. А еще Трувор ощутил голод. Многовековой. Лишающий разума. Оставляющий одно-единственное желание – уничтожить.

Кого?

Его.

И некроманта, застывшего рядом. И мага смерти. И Бернхарда. И вовсе всех, кто есть в крепости. И за пределами ее… и следом за осознанием пришел страх.

Древний.

Ледяной. Сковавший сердце и разум. оставивший одну лишь мысль – бежать. Спасаться, пока есть шанс. А потом… потом пришло понимание, что шанса нет, что смерть предопределена, а значит, стоит ли сопротивляться?

Стоит ли вовсе…

– М-мамочки, – тихо заплакал кто-то рядом, и голос этот, шепот пробил броню.

– Отставить! – собственный голос показался напрочь чужим, надорванным. А пальцы легли на рукоять клинка. И тот зазвенел, возвращая способность дышать и думать. – Уши заткнуть!

Рев не стихал. Он рождался на дне ущелья, чтобы подняться из пропасти волнами. Но пока лишь выталкивал вперед себя туман. Тот, касаясь стен, полз наверх, спеша добраться до края, перекинуться через него, чтобы заполонить собой внутренний двор. И Трувор, который почему-то видел это извне, хотя никак не мог видеть, заорал:

– На стены! Всем на стены…

И рванув меч, крутанул им. Лезвие засветилось, зазвенело. А звон не стих, но обрел вес и плоть, заставив людей встрепенуться.

– Вперед! Пока танерийская тварь вас не сожрала!

Голос вдруг обрел мощь и силу, он перекрыл рев твари, и шелест тумана, и все прочие звуки. И люди, застывшие было, вздрогнули.

– Маги на стены!

– Бегом! – голос тэра Бернхарда звучал тише, но жестче. – Вперед!

Трувор очень сомневался, что в силах человеческих остановить то, что выползало из пропасти, но и становиться безмолвной жертвой он не собирался.

Да и…

Додумать он не успел, потому что со стороны стен донесся гул, сперва тихий, он становился все более явным, грозным. И сами стены покрывались мертвенной зеленью. Плети силы, переплетаясь друг с другом, покрывали камень странными узорами, чтобы то тут, то там выплеснуть к небесам столпы мертвого огня. И грозной яростью полыхнули очи Анжелины.

А туман…

Туман зашипел. И отполз.

– Вот ведь, – голос Карлайла прозвучал в воцарившейся вдруг тишине слегка растерянно. – Я, конечно, могу ошибаться, но мне казалось, что призывать демонов запрещено…

Глава 2
Где враг готовится праздновать победу

Уставшие продавщицы мороженого, сладкой ваты и других радостей живота, только окинули вас томным взглядом и дальше принялись заниматься своими личными делами.
Все, что нужно знать о торговле

Благословенный Аахым-Таро, Осененный силой жрец Второго круга Айлура Кровавого, младший из благословенных его детей, в чьих руках жила истинная сила, смахнул пот со лба и выдохнул. Тело под рукой было теплым, но кровь с него стекала на камни походного алтаря, унося с собой и жизненную силу. Душа раба ступила на тропу мертвецов, и осталось лишь ждать, когда попадет она в объятья сына Айлура.

Пусть возрадуется тот, получив этот дар.

Пусть ответит на молитвы своих жрецов.

Пусть явит себя миру. И пусть содрогнуться слабые, да убоятся сильные, узрев того, кто, рожденный из огня и ярости, изнывающий от жажды, рвется в мир, чтобы… на этом мысль закончилась, потому что на нос Аахыма опустилась жирная муха. И происшествие это заставило от мухи отмахнуться, да и вовсе скривиться.

Ну где благословенная сила и величие, а где мухи?!

Впрочем, самой мухе не было дело до мыслей и надежд жреца, её интересовала подсыхающая лужа крови, что собралась вокруг алтаря. И тело, само собой. Тело было уродливым и видом своим, и запахом вызывало тошноту.

– Убирайте, – Аахым отступил, и пара храмовых рабов подхватили мертвеца, дернули, но едва-едва сумели приподнять. Этот оказался на диво сильным, а теперь, после смерти, ещё и тяжелым. Эх, Химеру бы… она бы не стала ни морщиться, ни трястись от ужаса.

Но боги химер не жаловали.

Айлур так особенно.

А сейчас Аахэм не имел шанса на ошибку.

И, приняв чашу с ледяной водой из рук младшего жреца, сделал глоток, покатал во рту, убирая солоноватый привкус, сплюнул в сторону. А потом подставил руки, и тонкая нить воды потекла по пальцам, избавляя от крови и грязи. Все, конечно, не смоет, скорее размажет, но хоть что-то.

Где-то рядом заунывно выводили слова призыва храмовые певцы. Глаза их уже налились кровью, да и из ушей вон пошла, и значит, тянут нити заклятья из последних сил.

Плохо.

Надо менять, пока не разорвали печать слов. Вот тех двоих, с краю, точно. Один покачивается, явно того и гляди сознание потеряет. Второй бледен, рот вон раскрывает, да только звук выходит хриплым, фальшивым.

Аахым поморщился.

Как же все медленно.

Жрец коснулся алтарного камня, прислушиваясь к пульсации силы.

Раз и два… мертвое сердце бьется чересчур уж быстро, а значит, надо обождать. Он поднял руку и приказал:

– Перерыв.

Снова поморщился.

Все-таки камней нужно было брать больше. И золота на опоясывающий контур. Причем дело даже не в количестве, но в чистоте его. Это, мешанное с медью в равных пропорциях, силу

проводило хуже, вот она и просачивалась за пределы, скапливаясь вокруг камней, накаляя их, заставляя их биться ярче, быстрее.

И эти помехи нагревали контур изнутри.

А ведь едва-едва половина обряда прошла. Теперь вот с каждой новой жертвой пульсация ускоряется, что просто-напросто опасно. Проводимость потока вышла ниже, чем он рассчитывал. Узкие каналы едва-едва справляются, а камни вовсе того и гляди треснут.

И кто будет виноват?

– Скажи, пусть певчим принесут укрепляющее питье, – произнес Аахым не оборачиваясь. Младший стоял там, где и должно – за левым плечом в трех шагах, в позе, выражающей и почтительность, и внимание. – И надо заменить тех, кто совсем ослабел. Выведи пока. Пусть отдохнут…

Певцов тоже маловато, поэтому волей-неволей приходится беречь.

Младший кивнул и отступил.

Хороший юноша.

Старательный. А главное, с пониманием. В обморок не падает, истерик не устраивает, тих и незаметен… пожалуй, даже чересчур тих и незаметен. А еще услужлив и старателен, что, конечно, весьма удобно, но в то же время внушает определенные подозрения, поскольку Аахым прекрасно помнит, что сам таким был.

Служил.

Старался. Тенью следовал за наставником, не забывая восхищаться мудростью его. А заодно смотрел, запоминал и записывал кое-что… малые прегрешения. У всех есть свои малые прегрешения, но если выждать момент и представить их в правильном свете, то величина не будет иметь значения.

Так что нужно быть аккуратнее с мальчишкой.

– Господин, – шелестящий шепот раздался за спиной. – Валисий-ханай нижайше молит о разговоре.

Паренек поклонился ещё ниже.

И чашу подал с холодной водой, в которой плавали мятные листья.

И все именно так, как должно… точно кто-то стоит за мальчишкой, кто-то направляет и подсказывает.

Аахым изобразил улыбку.

– Так уж и молит?

Мальчишка изобразил легкое смущение.

– Нет. Скорее даже он изволит настаивать. Мне кажется, его обуревают сомнения. И не только его.

Ханы…

Самоуверенные, наглые и полагающие себя вершителями судеб. Но такие нужные, и потому отмахнуться от просьбы-требования нельзя. Пока во всяком случае.

– Веди, – воду Аахым выпил, коснулся камня, убеждаясь, что потоки силы не собираются гаснуть. Напротив, переполненные камни отдавали энергию медленно, слишком даже медленно.

А все почему?

Из жадности. Из непонимания.

Подвалы храмов полны золота. Оно лежит там, покрываясь пылью, в монетах. В украшениях, которыми обвешивают себя жрицы. Да и жрецы не отстают. Взять те же церемониальные облачения Верховного. Старик едва стоит под тяжестью его, но нет, не откажется. А погребальные маски? Кто и когда решил, что они должны быть непременно золотыми? И ладно бы это все, но… храмовые рабыни, которые порой одеты роскошней, чем жены некоторых ханов. Храмовые жеребцы и собаки… и все-то, кажется, что только могло считаться храмовым,

непременно получало золотую броню. А вот когда золото понадобилось для дела, так оказалось, что его нет.

Как и камней.

И жертв… собрали весь мусор, который только возможно.

Старые. Слабые. Трусливые и калеки. И чудо, что есть хоть какой-то отклик… а ведь потом стребуют, как за молодых и здоровых.

Ладно, потом Аахым сам будет требовать.

Он посмотрел на побуревшие руки, на грязные одежды и подумал, что пахнет от него тоже соответствующе. Но, может, и к лучшему. Ханы – это не Верховный, который давно уже умыл руки и предпочитает смотреть на жертвоприношения со стороны. Ханы крови не убоятся.

Наоборот, пусть видят, как оно есть.

Ханы ждали в пещере, что расположилась ниже. Создана ли она была природой или же силой магов, Аахым не знал. Главное, что в этой пещере было достаточно места, чтобы поставить огромную костровую чашу, в которой пылало пламя, а вокруг расстелить ковры. На коврах хватило место и серебряной утвари с ломтями жареного мяса, горами из лепешек и сухого, приправленного перцем, сыра, и высоким кувшинам, и самим ханам. Они сидели, скрестивши ноги, передавая из рук в руки огромную чашу, украшенную человеческими черепами. При этом слышались и голоса, и смех.

Но при появлении Аахыма голоса смолкли. А чаша едва не выпала из рук Катыбей-хана.

– Звали? – раскланиваться и тратить время на пустую вежливость Аахым не собирался.

– Доброй ночи тебе, Аахым-Таро, – Валисий-хан поднялся и поклонился, впрочем, весьма вольно, скорее обозначив движение. – Подойди к огню, присядь, отдохни и выпей…

– Времени нет, – оборвал речь Аахым. – Молитва звучит и кровь льется во славу будущей битвы, а вы тут…

– Кровь льется, верно, – Валисий не отвел взгляд. Правый глаз его был черен, а вот левый – желт. И выглядело это жутко. Но после Аахым вспомнил, что глаз свой Валисий утратил в прошлой войне, где чудом выжил. И вместо утраченного вставил стеклянный. А почему жёлтый, так кто ж его, старого шакала, знает. – Однако и только-то, потому что больше ничего не происходит.

Прочие закивали. И в отличие от Валисия, отвернулись.

Не все, но многие.

Многие.

Люди слабы. И трусливы. Валисий должен был бы понимать, что одно дело – шепоток и возмущение за спиной Аахыма, и другое – сомнения, в лицо высказанные. Впрочем, сам Валисий не дрогнул.

– Нам обещано было, что вы сотворите заклятье, которое обратит на крепость гнев богов, – произнес он. – И никого-то не останется в живых…

– Это заклятье…

– Молчи, жрец, – Валисий позволил себе перебить, что было недопустимо. – Твое заклятье окрасило небеса пламенем, но и только. Мои лазутчики утверждают, что ни одна капля огня не достигла и стен, не то, что двора…

И ханы закивали, хотя больше никто из присутствующих не осмелился подать голос. Но и кивков хватило, чтобы Валисий ощутил поддержку и заговорил громче:

– А теперь что? Мы сидим. Ждем… чего, жрец? Скажи, где обещанное оружие небывалой силы? Что-то не вижу я его тут, как не вижу здесь боевых химер или големов. Впрочем, не вижу я и иных жрецов, готовых, как нам было обещано, обрушиться на проклятых…

Он замолчал, глядя исподлобья.

Вдохнул и продолжил.

– И теперь душу мою и печень терзают сомнения. Не выйдет ли снова так, что мы, рискнув откликнуться на призыв храма, останемся одни перед лицом врага?

– Ты этого боишься?

– Нет, – Валисий покачал головой. – Не этого, но того, что навлеку гнев Великого хана не только на себя, но и на весь свой род… и пусть по собственной глупости, но…

Он оскалился.

– Мой род, может, не так могуч и знатен, чтобы о нем слышали все, однако, если понадобится, сумеет рассчитаться за обиду.

И тихий шелест голосов присоединился к словам.

– Я понял тебя, могучий Валисий, чье имя означает «славный битвой», – Аахым отвечал спокойно и мягко.

Ханы.

Ханы полагают себя истинными хозяевами мира.

Конечно, как иначе-то.

Они владеют табунами и воинами, готовыми подняться по первому зову. В их руках сила славных предков и поющая сталь… в их сердцах ярость боя.

Так им представляется.

Нет, умные давно знают правду, но таковых, следует признать, немного. И они, скрывшись в тени, следят не столько за Валисием, сколько за Аахымом, ждут его ответа.

– Ты сказал обидные слова, но я понимаю, что ты воин. И потому ты привык говорить, как рубить клинком… – Аахым подошел ближе. Но Валисий не дрогнул, не отшатнулся и не поморщился, как те, что сидели дальше. – И понимаю слова твои. В них звучит твоя сила, твоя ярость… и твое беспокойство. Не о чем беспокоиться, ибо все идёт, как должно.

Жизнь при храме учит, что слова – это тоже оружие. И не требует оно ни драгоценных камней, ни узорчатой вязи булата, но разить способно не хуже клинка.

– Да, заклятье, сотворенное моими братьями, истаяло, не причинив крепости видимого вреда. Однако мы все знаем, сколь непроста эта твердыня.

Аахым обвел собравшихся взглядом. И с удовлетворением отметил, что мало кто сумел этот взгляд вынести.

– Будь иначе, не прозвали бы её «Темным утесом»…

– Много говоришь, жрец, – буркнул Валисий, но уже без прежнего гнева. – Как бы её там ни прозвали, но теперь нам пути назад нет. И мне нужно знать, что делать. Ты обещал…

– Я?

– Твои братья, те, которые послали тебя сюда, – Валисий криво усмехнулся, и стеклянный глаз его вспыхнул силой. Артефакт?

Нет, об этом бы предупредили. Да и откуда? Прошли времена, когда рода держали мастеров, способных сотворить чудо. Теперь большая часть артефактов изготавливается в храмовых мастерских.

Глаз же… просто свет упал.

– Твои братья обещали, что крепость ослабела, – Валисий склонил голову. – Что она падет, как спелый плод в подставленные руки…

– И ты поспешил эти руки протянуть, а теперь разочарован, что плод не падает? – Аахым не позволил насмешке проскользнуть в голос. Но ханы и так поняли. – Но подумай сам. Если бы заклятье уничтожило крепость, в чем была бы ваша заслуга?

Молчат.

И думают. И мысли их просты, понятны. Им не нужны доблесть и заслуга. В отличие от перевала. И открытого пути через горы, по которому пройдут их войска, чтобы ударить в мягкое подбрюшье проклятого королевства.

Ради этого ханы и пришли.

Ради грозного рева конницы, что покатится с гор, голосом и грохотом поселяя ужас в сердцах пучеглазых. Ради пламени, которым полыхнут дома их.

А ещё ради золота.

Пленников.

И грядущей власти, которую им обещали. Нет, не прямо, но достаточно ясно, чтобы до самых тупых дошло.

– Я как-нибудь переживу, – откликнулся Валисий. – Но, если плод не падет, а перевал останется закрыт, то… хан объявит нас отступниками. Нарушителями слова. И в лучшем случае пришлет нам шелковые удавки великой милостью…

И правом избавить хана от необходимости вершить суд, а род – от высочайшего гнева. Да, старый обычай. Хороший… случалось, что удавку получал и сам хан.

– Ты, жрец, укроешься в стенах храма, как это было всегда… и затаишься, будешь ждать других дураков.

– Увы, Валисий, мы не можем и дальше ждать, ибо ересь туманит разум простых людей…

– Жрец, – Валисий вздохнул. – Давай без этого вот… вы там с ересью после разберетесь. А сейчас скажи, чего нам ждать. Крепость держится.

– Пока держится, – Аахым позволил себе поморщиться. – Да, укреплена она оказалась куда надежней, чем нам обещали, однако… это последний щит. Возможно, остатки древней силы, что хранила её веками. Но любой колодец можно исчерпать. И сила, поднявшаяся для защиты, почти истаяла…

– Ты уверен?

– Нет, – Аахым покачал головой. Он предпочитал не произносить слишком уж очевидную ложь. – Однако я уверен в том, что ни один щит не устоит перед тем, кто почти созрел уже, чтобы выйти в мир.

Тихо.

Ханы молчат.

Знают.

Они ехали рядом с обозом. Их люди стерегли клетки с жертвами. И пение слышно даже сквозь камень. Точнее не звук, но сила, им пробужденная. Её чуют все.

– Что-то он не торопится, – Валисий прищурился, и снова показалось, что глаз его стеклянный живет, что невозможно.

Аахым сцепил руки на животе и произнес:

– Спешить должен раб, если не желает он вызвать гнев господина, а возлюбленный сын Айлура явит себя во всей красе тогда, когда…

– Когда? – перебил Валисий. И ханы загудели. – Нет, жрец, в этих пещерах тихо и прохладно, но мы не крысы, чтобы прятаться в них вечно. Да и… гонцы от крепости уже полетели вниз, и вскоре в городе ударят колокола, подымая тревогу. А там, не пройдет и дня, как подтянутся войска. И тогда наша затея станет не то, чтобы вовсе невыполнима, скорее уж крови прольется куда больше, чем мы рассчитывали. А выгоды получим куда меньше… и это тоже меня огорчает.

– До того, как солнце взойдет над крепостью, – Аахым скрестил руки на груди. – Большая часть жертв уже принесена. Их кровь пролилась на камни, их сердца насытили Айлура, их души станут пищей сына его и…

Что-то там, за краем скалы заворчало.

И рокот этот пробрал и камень, и людей. Серебряная чаша выпала из рук, покатилась, расплескивая красное вино, словно кровь. И смуглые пальцы Ирташ-хана потянулись к амулету Танери, будто могла она защитить.

– Так что готовься, хан, – Аахым порадовался тому, что голос его звучит ровно и спокойно. – Пей вино. Беседуй с теми, кто показал себя верными детьми Великого Кровавого. С теми, кто прибыл по зову его, дабы напомнить пучезглазым, как поет сталь…

И снова рык.

На сей раз он показался близким. И потому пробрал до костей.

Вот так-то. Пусть слушают. Пусть понимают, кто здесь хозяин.

– Успокой людей своих, Валисий-хан, – Аахым коснулся пальцами рисунков на щеках. – Любой младенец, приходя в мир, возвещает о том криком… и сын Айлура – не исключение. Голос его слышим не только мы. И с ним страх вползает в жилы проклятых. Недолго осталось им праздновать победу…

– Может, стоит поднять людей?

– Нет, – Аахым покачал головой. – Мне отрадно видеть рвение твое, однако пока ещё не пришла пора. Сын Айлура свиреп и яростен. И ярость его слепа. Не различит он ни своих, ни чужих…

– И уничтожит всех, кто встанет на пути?

– Верно.

– Что ж, – Валисий позволил себе прямой взгляд. И живой глаз смотрел спокойно, а вот в стеклянном будто искра вспыхнула. – Тогда, жрец, я надеюсь, что ты правильно направишь его стопы, ибо…

Он криво усмехнулся.

– Я готов умереть во славу Айлура… но стать жертвой демона только потому, что ты ошибся, не хочу.

Он взмахнул рукой, будто отпуская. Будто Аахым был не жрецом, но ничтожным храмовым служкой.

– Иди… мы будем ждать твоего слова… и надеюсь, ты сможешь не только призвать демона, но и отправить его восвояси, потому как иначе во всем этом не будет смысла… там, где пройдет демон, людям искать нечего.

Вот ведь…

Аахым подумал, что когда-нибудь наступит момент, когда сам Валисий окажется на алтаре Айлура. И это будет хороший дар… свирепый боец, сильная душа.

Айлур любит таких.

Глава 3
В которой речь идет об обороне

Молли вцепилась в наливные яблочки Шерлока.
О важности сохранения наливных яблок вне доступа посторонних женщин.

– А Киара как завизжит! – Фреда бросила быстрый взгляд, явно пытаясь понять, не станет ли Киара возмущаться. – И я поняла, что все, что если еще немного, то этот мордатый ее точно уволочет.

– Ужас какой! – сказала матушка Анхен, явно с трудом сдерживаясь, чтобы не рассмеяться.

– Ага. Я его и того… ну, то есть закляла! Заклятьем кинула! Сна. Глубокого. Целительского. Он и заснул.

– На веки вечные… – произнес Персиваль, который стоял, прижавшись к стене, причем поза была настолько неестественной, что заставляла всматриваться в гвардейца. Ну не может нормального человека к стене так тянуть.

– И вовсе не на вечные! Я, может, не совсем чтоб целитель, но не так чтобы навечно и сразу! – возмутилась Фреда. – Может, день проспит, может, два… кто этих танерийцев знает. Киара его закопала.

– А я говорил, что идея-то хорошая, – шепотом произнес Персиваль и покосился на Дагласа, который этот рассказ слушал превнимательно. – Видишь, они даже без лопаты обошлись!

– Вижу.

– Он вообще поздоровевшим проснется! – заверила Фреда.

– Вот, и теперь нас точно нельзя будет упрекнуть в недостатке гуманности, – герцог, который присутствовал при этом рассказе, тоже старался держаться серьезно. – Что ж, юная леди, нам остается лишь поблагодарить вас за своевременное вмешательство. И ввиду свежеоткрывшихся обстоятельств настоятельно попросить не покидать пределы поместья в одиночестве.

– Я не специально! Она пошла! – Фреда указала на Киару.

– Альфреда! – Мели покраснела. – Нехорошо пальцами в людей тыкать…

– Так я правду говорю…

– Что весьма похвально, но тыкать при этом в кого-то пальцами не обязательно.

– Просьба касается всех, – сказал Даглас. – Танерийцев здесь несколько. Судя по всему, это разведчики, хотя и не очень понятно, что именно им здесь понадобилось.

– Поймаем и спросим, – Персиваль сделал шаг и, упершись руками в поясницу, зашипел. – Но чуть попозже… попозже пойдём, поймаем и обязательно спросим.

– Спина болит, – Фреда прищурилась. – Я могу помочь!

– Усыпить и закопать, чтобы я проснулся поздоровевшим? – гвардеец на всякий случай отступил, стараясь сделать так, чтобы между ним и Фредой оказался Даглас. – Пожалуй, воздержусь.

– Между прочим, – Киара не удержался. – У эльфов есть древняя целительская методика, когда больного закапывают в землю.

Он подумал и добавил.

– Правда, вертикально. И голова остается сверху. Это делается для нормализации потоков энергии. И чтобы кормить.

– Чтобы кормить – это, конечно, правильно… кормить – это гуманно, – закивал Персиваль. – Но, позвольте, а остальное как?

– Земля примет…

– Кажется, разговор ушел немного не туда. Дорогая, закапывать мы никого мы не будем, – сказала матушка Анхен. И тут же поправилась. – Если ситуация того не потребует.

Фреда заерзала и дернула за рукав.

– А если потребует?

– Тогда будем, – шепотом пообещал Киара.

– Вертикально? По эльфийской методике?

– Ну… как получится. Эльфийская медицина не всем подходит.

– Альфреда, дорогая, – матушка Анхен взглядом заставила девочку замолчать. А ведь та явно собиралась задать следующий вопрос. Вот ведь любопытная. – Мы очень рады, что ты оказалась поблизости и что твоя находчивость спасла Киару. Но сейчас, мне кажется, стоит поговорить о другом.

Она поднялась, опершись на руку герцога.

– Танерийцы – это плохо, госпожа, – Персиваль перестал улыбаться, но вот от стены не отлип. – И да, я согласен с капитаном, что эта группа – разведчики. И на землях Каэр они находятся довольно давно.

– Это их ты почуял? – уточнила матушка Нова, повернув в сторону Персиваля веер. – На прогулке?

– Да.

– И сколько их?

– Трое.

– Двое! – пискнула Фреда. – Одного мы закопали…

– В оздоровительных целях! Исключительно! – уточнил Киара. – У нас ведь нет с танерийцами войны, так?

– Пока – нет. И да… пожалуй… – герцог потер подбородок. – Если вдруг заявят, что это было мирное посольство, которое сбилось с пути и заблудилось в окрестных лесах…

– Мы ответим, что прониклись к ним сочувствием и, увидев, что блуждания по лесам негативно сказались на физическом состоянии послов, применили к ним древнеэльфийские методики оздоровления закапыванием в особо целебную землю… – Фреда подпрыгнула.

Герцог чуть закашлялся.

У Персиваля дернулась щека, а вот Даглас погрозил сестрице пальцем. Вряд ли оно, конечно, поможет. Фреда вовсе сделала вид, что это вот всё к ней не относится.

– Версия, как мне кажется, отличная, – матушка Анхен не сдержала улыбку. – Долг истинного целителя – помогать страждущим. Даже если они оказывают сопротивление.

– Не, не оказывали. Он не успел…

– Вот поэтому я никогда не доверял целителям… – проворчал герцог. И Киаре показалось, что герцог тоже готов рассмеяться, но сдерживает смех.

– Это точно не послы, – Даглас был настроен куда как серьезней. – Но я согласен с тем, что люди явно заблудились, а потому нужно помочь им. Пока их не взялись спасать сами танерийцы. Группа помощи может прибыть в любой момент. Пока, правда, не совсем ясно с какой целью, поскольку дорога на столицу контролируется, как и железнодорожные узлы, да и расположенный поблизости гарнизон делает бессмысленным прорыв с этой стороны…

– Он зануда, – Персиваль махнул. – Но я согласен. Попытка атаки с этой стороны однажды уже провалилась. Если вообще целью была столица. Однако что-то танерийцам здесь нужно, если после всего они рискнули сунуться. И настолько нужно, что они уже неделю по местным лесам круги наворачивают… Ох, грехи мои тяжкие…

– Я вам мазь выдам, – сказала матушка Анхен. – Полагаете, нападать они не станут?

– Не знаю, – Даглас покачал головой. – Пока они старались держаться по возможности незаметно. Однако нападение одного из них явно нарушает изначальный план. А вот как они поступят, поняв, что раскрыты, предсказать сложно. Как и то, на что они способны.

Матушки переглянулись.

– И вы предлагаете…

– Я передам предупреждение в столицу, – герцог шевельнул пальцами. – И полагаю, вы не будете против, если я позволю себе несколько… злоупотребить вашим гостеприимством.

И на матушку Анхен посмотрел превыразительно.

А Киаре вдруг захотелось, чтобы те, оставшиеся на свободе, танерийцы и дальше там оставались. И чем дольше, тем лучше. Глядишь, недельку-другую герцог позлоупотребляет ситуацией, а там и матушка смягчится… там, может, и до свадьбы дело дойдёт.

– Злоупотребляйте на здоровье, – махнул рукой Персиваль и застонал. – Чтоб вас…

– Будете знать, как на приличных свиней бросаться, – герцог не удостоил его взглядом.

Смотрел он исключительно на матушку.

– Приличные свиньи и ведут себя так, как свиньи, а не якшаются с подозрительными субъектами. И уж точно не следят за честными гвардейцами, – Персиваль уперся руками в спину. – Они хрюкают и копают!

Киара, кажется, понял, о какой именно свинье идет речь и вздрогнул, поспешив добавить:

– Дома копать нельзя! И в парке нельзя! И вообще…

– Не стоит переживать, – матушка Анхен опиралась на руку герцога. – Мальчик растет. И он уже научился преодолевать порывы души… сдерживаться. Большей частью… тем паче, что тут неподалеку есть пустырь, который мы сами хотели перекопать.

– Не устаю восхищаться вашей мудростью…

– А они поженятся? – шепотом спросила Фреда. – Герцог и твоя матушка? И почему у тебя две матушки? Хотя мне обе нравятся, но это как-то чересчур. Я и от одной уставала с её нотациями…

– Хватит, – резкий голос Дагласа заставил вздрогнуть. – Я предпочел бы перевезти всех присутствующих в другое, более безопасное место. Но меня заверили, что такого просто нет. И поместье защищено. Допустим… Сигнал в столицу – это тоже хорошо. Но что делать сейчас? Возможно, стоит передислоцировать сотню в поместье…

– Нет, – ответила матушка Нова, окинув гвардейца пристальным взглядом. – Не стоит. Здесь людей хватает.

– Как-то я их не вижу…

– Просто они не на виду, – пояснила матушка Анхен. – Наш покойный супруг придерживался мнения, что хорошая охрана не должна мозолить глаза. Тем более, когда речь идет об умертвиях. Не подумайте плохо, у него имелась лицензия…

– Не сомневаюсь, – буркнул Персиваль.

– Однако соседи всегда относились к некромантии с толикой подозрения. И он не хотел давать им повод для пересудов… но… если нужно, охрана откопается.

– Насколько быстро она может откопаться? – уточнил Даглас.

– Практически моментально.

– Тогда пока воздержимся. Точнее, если это возможно, в доме охрану стоит усилить, однако… – он поглядел на Персиваля. – За теми двумя я бы понаблюдал, если вы позволите… конечно, допрос многое может прояснить, но у нас уже есть тот, кого можно допрашивать.

– А я говорил, что тебе понравится! – Персиваль отлип от стены и со стоном вернулся обратно. – Прости, но я не могу составить компанию… если, конечно, вы, юная тэра, не спасете раненого на службе родине бойца, ненадолго избавив его от боли…

– Нет, – вместо Фреды ответила матушка Анхен. – Даже я отсюда вижу, что ваша спина нуждается не в обезболивании, а в лечении.

– Но… сейчас, когда коварный враг подобрался к…

– Особенно сейчас. Я не знаю, кто сплел заклятье, но вижу, что сделано оно было мастерски, однако ваши внутренние резервы оказались недостаточны, чтобы поддерживать его работу. Или же вы сочли себя куда более здоровым, чем оно есть, и позволили преступную беспечность… Фреда, детка, ты сможешь повторить…

Договорить матушка не успела, потому что Персиваль покачнулся, глаза его закатились, и он рухнул лицом вниз.

– Ой, кажется, я немного переборщила… а почему он так упал?

– Спазм мышц, дорогая. В случаях, подобных этому, весьма возможна нестандартная реакция, особенно если переборщить с силой.

– Это лейтенант королевской гвардии, – голос Дагласа был сух и строг. Он остановился над лежащим Персивалем, который застыл в какой-то напрочь неправильной позе. Вытянулся, как на посту. – Надеюсь, вы можете объяснить…

– Я переборщила с силой! Прости! – Фреда подскочила и схватила брата за руку. – Но это не вредно!

Матушка Анхен приблизилась и, присев рядом с телом, коснулась его.

– Состояние вашего друга таково, что ему категорически рекомендован покой. Но, сколь я понимаю его характер, в сознании он бы не усидел…

– Я просто хотела его усыпить! Это совсем-совсем не вредно! И не больно.

– Так, – Даглас наклонился и попытался поднять лежащего. – Хорошо. Дальше что?

– Дальше его нужно перенести в гостиную. Раздеть… как понимаю, он был ранен и весьма серьезно, – матушка Анхен поманила. – Киара, взгляни…

Смотреть было на что.

Вдоль позвоночника вытянулась пара искусственных силовых столбов, левый из которых истончился. А вот кости…

– Да его, похоже, по кускам собирали!

– Чтоб их… вечно каких-то инвалидов присылают, – возмутился герцог и потеснил матушку. – Давай, ставим его вертикально, а дальше… прости, Анхен, это я сгоряча. Я и сам, если подумать, был не в лучшем состоянии…

Лежащего удалось не столько поднять, сколько поставить вертикально. И теперь он сделался похож на одного из оловянных солдатиков, которых Киаре подарили на день рожденья. Кажется, набор так и назывался «Гвардейцы короля».

Солдатиков можно было раскрашивать.

И разыгрывать битвы. Что и делали, правда, не с вражеской армией, а с нежитью, но это так, это мелочи. Главное, использовать их в качестве медицинского пособия никто не додумался.

– Заклятье выступало в роли корсета… вот тут и тут опорные точки, – Фреда ловко ткнула пальчиком в поясницу Персиваля. – А тут узел развязался…

– Скорее всего имело место воздействие. Вряд ли направленное… может, артефакт… порой случается энергетическая несовместимость… так… несите его… сейчас покажу. Нова, нужно будет матрасы убрать. И доски… чем жестче поверхность, тем лучше… Фреда, следи за состоянием. В заклятье не лезь… нет, Киара, ты не нужна. Фреда поможет. Ей нужнее…

Стало даже как-то обидно. Раньше Киара всегда помогал, а тут появилась эта, мелкая.

– Останься пока с гостьей, – продолжила матушка. – Вернемся и обсудим… и не вздумайте никуда уходить!

Киара и не собирался. Он уже нагулялся… хотя вечером нужно будет к лотосам наведаться, снять бутоны, пока не перезрели.

– Лучше собачек выпусти, – матушка Нова тоже встала. – У тебя с ними как-то лучше получается договариваться…

– Ой, а можно я с тобой? – Мели взглянула снизу вверх. И обида мгновенно исчезла. – Если, конечно, не помешаю… Фреда точно вернется не скоро. Она любит лечить…

– Я заметила.

– Она талантливая.

– Ты тоже.

Мели покачала головой.

– Нет… у меня и дара-то нет. И вообще… может, я глупость сделала, что сбежала. Мама говорит, что мне повезло, что… к бесприданницам редко кто сватается. А я… я не особо и красива. Вот…

– Чушь какая.

– Нет. Ты вот красивая…

– Я… – Киара смутился, не зная, что нужно отвечать. И стало до жути неудобно. И потому он поспешил сменить тему. – А ты не испугаешься? У нас собаки своеобразные… точнее это не совсем даже собаки.

– Я люблю животных, – она опять смутилась. – Но дома мы не держали. Матушка была против… а они большие?

Огромные.

Звери, укрытые коконами сонных заклятий, даже во сне производили впечатление. Гладкая шкура обтягивала мускулистые тела, отчего казалось, что звери эти выточены из черного камня.

Киара вздохнул и потянулся к разуму вожака.

– Ух ты… – тихо вздохнула за спиной Камелия. – Они…

Зверь раскрыл глаза.

Морда его, гладкая, покатая, походила на акулью, и ряд острейших зубов усиливал сходство. Черные провалы ноздрей дрогнули, вбирая запахи. Загорелись алым светом глаза.

– Страшные?

– Красивые! – Мели приблизилась. – Невероятно! Такие… такие…

– Их моя матушка сделала. Точнее, она помогала отцу. Вообще магия эльфов и некромантия не слишком сочетаются друг с другом, но здесь нет чистой силы. Они живые, но…

– Химеры?

– Да.

Зверь встал на четыре лапы и потянулся, позволяя разглядеть себя во всей красе.

– Жуть, – сказал Киара.

– Почему? Он просто… просто своеобразный.

– Она. Её так зовут. Жуть. А там, видишь, с белым пятном на морде? Это Ляля. А третий – Мрак…

– Жуть, Мрак и Ляля… а погладить можно?

С учетом того, что клыкастая пасть располагалась вровень с лицом Мели, идея не выглядела разумной.

– Можно, – разрешил Киара, и Жуть, повинуясь ментальному импульсу, подошла ближе. Ляля ткнулась мордой в руку Киары. А Мрак вильнул хвостом и зевнул, широко так. Он считал себя слишком серьезным, чтобы выпрашивать ласку.

– А что они едят? – Мели обняла голову зверя обеими руками, и хвост Жути метнулся влево.

Вправо.

И на морде появилось выражение восторженное.

– Отец говорил, что найдут, то и съедят. Но это шутка. Людей им есть запрещено. И в целом стоят довольно серьезные ограничения. Они скорее для патрулирования. Предупреждения. Это часть охраны…

– Думаешь, нам угрожает опасность?

Захотелось заверить, что опасности нет, что…

– Не знаю, – Киара решил не врать. – Когда-то давно наш род был большим. И сильным. И мы думали, что никто не посмеет напасть на Каэр. Но все закончилось плохо. Отец, конечно, сделал многое, чтобы это не повторилось, но…

– Всегда остается шанс…

– Именно.

Рука Мели скользила по клыкастой морде, и Жуть жмурилась, похрюкивая от радости. Ляля крутилась рядом, тычась мордой, намекая, что и она не против. А Мрак, отвернувшись, обиженно вздохнул. И Киара, дотянувшись до гладкой шкуры, поскреб его за ухом.

– Но мы выучили урок. Хотелось бы верить… и да, поместье отлично защищено.

Но хватит ли этой защиты, чтобы выстоять?

Глава 4
Где появляется демон и план

Майкрофт раздосадовано обнаружил утром, что из-за вчерашнего пончика он поправился на 12 килограмм.
О важности соблюдения диеты

– Демон? – я затрясла головой, пытаясь избавиться от оцепенения. Чтоб, пробрало, что называется, до самых печёнок. Причем сейчас я совершенно точно ощущала, и что печёнка эта есть, и где именно в организме она находится. – Ты уверен?

– Более чем. Третьего уровня, не меньше, – Карл поморщился. – Или четвертого… тут надо замерять напряженность ментальных эманаций, которые он использует. Но само наличие таковых говорит само за себя. Точно не низший, но не из числа Владык. Так что третий-четвертый, если совсем уж не повезет, пятый, но тут я сомневаюсь. Там уровень воздействия иной.

– Демон… – я сунула палец в ухо, потому что от рева твари в голове была каша. И вообще ощущения странные такие. Ну, помимо печёнки. В целом. – А зачем им демон?

– Чтобы нас убить.

– Логично, однако… Карл? Ты ж его одолеешь?

Братец покрутил плечом и сказал:

– Вообще-то я маг смерти, а не демонолог!

– А если…

– Это другое! Ты сам попробуй.

– Я некромант. Это тоже другое…

– Тогда что делать будем? – вопрос Карл задал весьма своевременный. – Но мне умирать нельзя. У меня идея появилась!

– Какая?

– Об изменении силуэта. Это не дело, когда костюм ограничивает подвижность… Киц?! Ты куда?

– Туда, – я указала на стену. – Если демон прорвется, он нас сожрет. И тогда твоя гениальная идея умрет вместе с тобой!

– Действительно! – Карл задумался. – Киц! Стой! Кстати, я подумал, что если расшить воротник чешуей волкорылого дербенника, вписав руны в общий узор, то это позволит защитить офицеров ментально. Только воротник нужно делать стойкой! Однако это потребует изменения конструкции воротника, потому что иначе не будет внутренней гармонии. Как думаешь, если заменить полноценный воротник на жабо, это воспримут?

Тварь примолкла.

То ли выдохлась, то ли тоже задумалась над проблемами силуэта и внутренней гармонии.

– Я предчувствую некоторое недовольство со стороны офицерского состава… – Карл следовал за мной и шагал широко, перепрыгивая через ступеньку, а то и через две, но при этом продолжал вещать.

Стена гудела.

Внутри.

И я чувствовала потоки силы, проходящие сквозь неё, чтобы выбраться наружу.

Вот же…

Сверху открывался удивительный вид.

Пропасть.

Туман.

С одной стороны пропасти подсвеченный мертвенной зеленью проклятой силы, с другой – темно-красный, что венозная кровь. Он сочился откуда-то извне, наполняя пропасть силой.

– Так… – Карл остановился и сглотнул. – Этот туман… у него такой вид… там кого-то приносят в жертву! А жертвы – это плохо… это очень плохо!

– Стоять, – я развернула братца спиной к противнику. Может, оно не очень героично, но зато без обмороков. Вид у тумана уж больно своеобразненький. – Карл, что ты чувствуешь?

– Чувствую, что предстоит много работы, – братец сразу задышал ровнее. – Между прочим, это только кажется, что можно взять и легко заменить один вид воротника на другой. А на самом деле это требует кардинального пересмотра всей структуры камзола! И не только камзола! Понадобятся…

– Понял. Все сложно, – перебила я. – Карл, а вот там, в тумане, ты что-нибудь чувствуешь?

– Конечно. Демона.

Тварь тотчас откликнулась ревом, правда, сейчас тот был несколько неубедительным, что ли. Но присутствие своё подтвердила.

– Ты говорил про жертвы.

– Да. Чтобы вызвать демона, нужно принести жертву. Чем выше уровень демона, тем, соответственно, большая жертва нужна. Сильнее. Одаренней. Ну или количеством… а…

– Там ничего не видно! – поспешила заверить я, но братец не рискнул обернуться. – Карл, а когда людей приносят в жертву…

– Это плохо.

– Согласен. Ничего хорошего, но… демону отдают ведь не только кровь. Напротив даже. Кровь и плоть ему, пока он не прорвется полностью, не особо и нужны. На стадии перехода он поглощает души.

Я старательно вспоминала все, что когда-либо читала о демонах.

Нет, я читала, конечно.

Но демоны – это всё-таки не наш профиль.

– Жертвоприношение для того и нужно, что именно души дают демону силу прорвать границу мира. Сперва он вбирает их в свою суть, и души становятся его якорем в этом мире, потому что сам демон ему чужд и мир их отторгает… погоди! Ты хочешь, чтобы я…

– Да.

– Нет!

– Карл!

– Я не буду призывать эти души!

– Не получится?

– Почему? Вполне получится. Жертвоприношение недавнее. Демон зацепился, но только начал процесс поглощения, а он может занять и недели, и месяцы, в зависимости от особенностей отдельно взятой души…

– Тогда…

– Киц! Это души! Я… я не хочу связываться с душами! Я…

– Я понимаю, – я взяла братца за руки и не позволила отступить. – Но ты посмотри. Аккуратно так…

Тумана становилось больше. И сам он уже не казался легким, бесплотным. Тяжелые волны шли одна за другой, разбиваясь о стену, пропитанную мертвой силой, отступали и снова подбирались ближе. И каждый удар я ощущала.

Как и то, что в том тумане демон был не один. В плотной кисельной мути метались тени, быстрые и, кажется, хищные.

– Он… он идёт, Киц. Процесс идёт. И демон набирает силу, – Карл закрыл глаза и сунул в руку трость. – Подержи, пожалуйста… там… нити. Далеко! Проклятье, расстояние все-таки

великовато, но я попробую… поглощенные вряд ли… надо будет ближе, однако процесс идет, так что перехвачу. Если получится. Хотя, почему не получится, надо только раз, два…

Он замолчал, шевеля губами. А я повернулась.

Впереди на стене, отражением рассвета, полыхали огни. В кои-то веки нормальные, живые. И за границей их стояли люди. Я видела силуэты, и нельзя понять, кто именно вот там, но…

Они стояли.

Сжимали оружие.

И были готовы держаться, пусть даже люди демону не преграда.

– Киц, – пальцы Карла замерли. – Может, ты…

– Что я? Я душу точно не выловлю…

– Нет. Демона убьешь. Возьмешь и… убьешь? Я просто… понимаешь… там души. А души – это… это ведь такое… ненадёжное. Я боюсь.

Прозвучало жалобно.

– Карл, – я развернула братца к огням. – Видишь? Если ты не сорвешь эту привязку, то демон нас сожрет. Тебя. Меня. Их вот…

Он стоял.

– Я…

– Тогда, с тэрой Урсулой, вышло не совсем хорошо, но ты был моложе. И опыта не имел. А теперь вот старше стал… и…

– Мне до сих пор неловко, что я с ней вот так, – выдал братец. – Потому что… она ведь добра хотела. Она… она не была злой. И помогала. Всегда. Советом вот… у неё отличное чувство стиля, даже неожиданно. И она первая выписала мне журналы из столицы. А потом, когда я читал, объясняла, чем шантильи отличается от валансьена… а я… я вот так…

– Карл, она не в обиде.

– Откуда ты знаешь?

– Ну…

– Так, Киц! – братец наклонился ко мне. – Не врать!

– Да я не вру. Стою. Молчу. Демоном любуюсь. Слушай, а нормально, что там водоворот появляется?

– Где? – он обернулся, впрочем, отвлекшись совсем ненадолго. – Не знаю. Я ж говорю, что не демонолог… вот, кстати, это слегка неправильно.

– Почему?

– Вот был бы у нас ещё один брат…

Ну да, с этой точки зрения, папеньке стоило бы найти демонологиню… или как правильно? Хотя… ему и нас было достаточно.

– Брата нет. Есть ты. И я. Вдвоем что-нибудь да придумаем.

– Что?

– Не знаю. Пока не придумывается… хотя… – появилась у меня одна интересная мыслишка. – Направление покажешь? Я в этом тумане ни хрена не вижу. Проводник нужен. Ты… дотянись до души, которая вот в процессе или только-только, а я…

– Что?

– Помнишь, как мы в тот раз, после бала… того, где пытались в общество влиться? А не вышло?

Карлуша хмыкнул.

– Со своячницей градоправителя…

Подумалось, что как-то вот не везет нам на градоправителей. Или, вернее, им на нас?

– Думаешь…

– Если ритуал прервать, что будет?

– Сложно сказать, – Карл задумался. – Если он только начат, то прорыв закроется. Если идет давно, то демон прорвется, но… скорее всего обессиленный.

Задумался сильнее.

– Думаешь, выйдет?

– Не знаю. Тут расстояние побольше будет. И от души многое зависит. Нужна подходящая.

– Попробую. Но, Киц, если она опять ко мне привяжется!

Рев твари перекрыл голос Карла, и я так и не узнала, что произойдет, если к нему опять привяжется чья-то душа. Братец прикрыл глаза, выдохнул и чуть поморщился.

– Всё-таки далековато… Погоди… руку дай? Подпитаешь?

Я подала руку, и бледные пальцы Карла сжали ладонь. Он сделал выдох, а потом глубокий вдох и потянулся туда, сквозь туман. И меня потяну следом.

Демон…

Демоны – это… это та ещё погань. Куда хуже личей, потому что с личами, если они не совсем свихнулись, вполне можно договориться. Да и вообще, правильно поднятые личи – существа разумные, сполна осознающие собственную выгоду и готовые к сотрудничеству.

А вот демоны…

Отец говорил, что их собственный мир соткан из огня и боли.

И что на белом небосводе светит черное солнце, чье пламя испепелит любого, кто не обладает толстой шкурой и чешуей. Что в этом мире сильный пожирает слабого.

А слабый…

Слабый может выжить, если сумеет спрятаться.

И что порой находятся дураки, которые вытягивают этих вот, слабых, в надежде подчинить их. Или другие, призывающие высших в надежде заключить договор. Но история не знает успешных примеров.

Туман распадался.

Для Карла он был неоднороден. Теперь и я видела потоки силы, и нити, что протянулись от края к краю крепости. Действительно нити, переплетавшиеся друг с другом, создавая при этом сложный узор, центром которого была воронка. И демон.

Он…

Он не был ужасен.

Или прекрасен.

Что? Вкусы у всех разные. Тварь занимала центр воронки, точнее медленно и тяжко выползала из неё. Змееобразное тело мелко подрагивало, пуская волну за волной по шкуре. И воронка вполне отчетливо похрустывала и даже трещала, поскольку оказалась слишком узкой для твари. Демону это тоже не нравилось. Он дергался, пытаясь выползти целиком, но как-то не особо получалось.

Не знаю, кто там его вызывал, но как по мне – халтура полная. Нет, не то, чтобы я так уж желала демона получить. Но папенька нам твёрдо вбил: если уж берешься делать – делай хорошо. А то выйдет, как вот…

Передняя часть тела то приподнималась, то падала, давя своим весом мелкие камни. И демон взрыкивал, встряхивал уродливой башкой. Башку украшали плоские рога, каждый из которых раздваивался. Но это ладно, чего только не бывает, может, у них там, чем рогатей, тем красивей, а что из-за этих рогов головы почти не видно, так мелочи же.

Куда больше впечатлил меня огромный полупрозрачный пузырь живота, набухший сразу под шеей, и две пары рук, что шарили, вытаскивая из тумана бледных людей.

Души.

Это души.

Демон раскрывал пасть, причем широко, так, как ни одно существо не могло бы, и совал душу внутрь, проглатывал. От этого движения всё тело его мелко вздрагивало, а живот раздувался. Но меня удивил не он, а тонкая нить, что, выходя из пупка, тянулась куда-то дальше… выше?

И вот по этой нити души и спускались.

Демон замер.

Повернулся.

Выпуклые глаза его были красны. И я готова была поклясться, что он нас видит.

Он раскрыл пасть и заревел.

– Карл?!

– Тихо. Не мешай… сейчас… надо найти проводника, успеть…

Не знаю, что сделал мой братец, потому что прямо перед лапой демона вспыхнула пентаграмма, в которую душа влетела, словно муха в сетку.

– Вот… если теперь он ко мне пристанет… я тебе платье сошью! И ты будешь его носить!

– Идет.

– Три!

– Сшей. Носить не обещаю.

Карл дёрнул и мы, вместе с пойманной душой, вынырнули из тумана. Ага. Я жива, цела и снова во плоти. Муть осталась мутью. Братец держится на ногах и в обморок падать не пытается. А вот перед нами стоит пойманная душа.

Мужчина.

Пожилой, кажется. Одет в рванье, но смотрит прямо, зло даже.

– Некромант… – голос его слаб.

– Маг смерти вообще-то, – возразил Карл, встряхивая руками. Кружева тотчас распрямились, улеглись ровными складочками. – Некромант – это вот он.

И на меня указал. Впрочем, на душу это впечатления не произвело.

– Чего вы хотите?

– Ты мертв, ты понимаешь это?

– Да, маг. Понимаю. Меня положили на алтарь. Вырезали на груди знаки, а потом принесли в жертву Айлуру… это он там?

Демон все так же сидел и поглощал души. Причем процесс его увлек настолько, что о нас он, кажется, забыл. Ну да, папенька говорил, что мозгов у них немного.

– Хочешь отомстить? – спросила я.

– Отомстить? – его глаза вспыхнули. – Да! Но… там люди. Другие… нас привезли сюда раскапывать старую дорогу. Мы жили при храмах. Я и моя жена. Детей не трогают. Сперва. Дочерей оставляют на развод, как… как скотину. Сыновей… химеры всегда нужны. Если… если хоть как-то смогу… если чем-то… я готов! На всё готов!

– Твоя душа может не выдержать и рассыпаться, – предупредил Карл. – И это будет конец.

– Или её сожрет демон, – мужчина оглянулся на туман.

– Тоже верно. В таком случае мне нужно следующее. Ты умер недавно. Следовательно, связь с телом сохранилась. Теперь, когда я разорвал жертвенную нить, ты можешь найти его. Попробуй почувствовать.

– Чувствую, – кивнул мужчина.

– Хорошо. Тогда ты сейчас потянешься к телу, но не один. Кицхен вложит в тебя толику силы. Это будет больно, но ты должен донести её до тела.

– А… потом?

– Это будет метка. А уже по своей силе я отработаю, как надо… – я оскалилась. – Жертвоприношение идет давно, а значит, мертвецов там набралось приличное количество.

– Госпожа некромант, – душа поклонилась. – Я правильно понял, что вы собираетесь поднять мое тело?

– Да. Но не уверена, что получится.

Спрашивать, как он понял, бесполезно. Души часто видят иначе.

– Если получится, то… не могли бы вы даровать мне право самому убить… хоть кого-нибудь?!

– Могу. Убивай. Только учти, живой душе в мертвом теле, в том, которое без подготовки поднимается, тяжело. Возможно, ты поймёшь, что не готов задержаться. И не надо. Главное – поставь метку.

Мужчина покачал головой.

– Я справлюсь…

И мы действительно справились.

Глава 5
Где опять всё идёт не по плану

Все было хорошо, пока дозорные не подали весть о наступающем полке, и пока в ворота не ударил таран. Началась подготовка. В бойницы и на стены встали лучники и арбалетчики.
О некоторых неоднозначных моментах в организации обороны крепостей.

Певцов заменили.

Тела унесли, пусть и недалеко. Увы, всё-таки работа в пещерах имела свои недостатки, поэтому запах мертвечины пробивался сквозь аромат благовоний. Аахым протянул руки, на которые упало подогретое влажное полотенце. Другим таким же младший жрец поспешно промокнул лицо.

– Продолжаем, господин? – уточнил он шепотом.

– Погоди…

Камни на алтаре ещё светились, но уже не так ярко. Значит, большая часть силы ушла и да… врата почти открыли. А возлюбленный сын Айлура, откликнувшись на зов, занял место на изломе миров. Он был велик, грозен и самим видом своим внушал ужас.

Демон…

Надо запретить это слово, как оскорбительное. Дети Айлура чужды человеческому пониманию, но это не делает их менее божественными.

– Давай следующего, – Аахым размял пальцы и, вытащив из складок одеяния махонькую флягу, пригубил напиток, разгоняющий кровь. Закрыл глаза, наслаждаясь теплом и ощущением близости к чему-то воистину могучему. И теперь, в состоянии измененном, он слышал не только фальшивые ноты в пении и скрежет камней, но и сдавленное, тяжелое дыхание младшего жреца.

Да, сутки на ногах – это тяжело с непривычки.

Особенно тому, кого ещё по-настоящему не коснулись изменения. О, и жадность во взгляде тоже знакома. Парнишка уже попробовал божественной крови. Ощутил, каково это, когда пламя наполняет тело силой и на краткие три удара сердца ты становишься равен богам, правда, потом сила уходит, что само по себе мучительно. А уж возвращение из бога в человека…

– Тащи следующего, пока канал не схлопнулся, – он размял пальцы, поднял клинок и отер его об одеяния. Благо, не торжественное богослужение и производить впечатление особо не нужно. А одеяния нынешние и без того на выброс.

Новая жертва пыталась сопротивляться.

Мужчина. С виду крепкий, но обострившееся чутье уловило особый запах болезни, что пряталась там, внутри. Аахым, пожалуй, мог бы и увидеть черные пятна в легких, от которых начали расползаться нити. Еще год или два и раб начал бы кашлять.

Болеть.

Так что участь его все одно была незавидна.

Впрочем, и растянутый на алтаре, с заткнутым ртом – Аахым не любил криков – он продолжал вращать глазами и корчить рожи.

Хорошо.

Очень хорошо.

Дети Айлура любят сильные души.

Клинок, прочертив путь от ключиц к точке, в которой смыкались ребра, замер. Теперь поворот, чтобы пробить кожу, пустив первую кровь. И несколько штрихов знаком Айлура…

Заглянуть в глаза.

И губы сами выталкивают слово, которое начинает обряд. Это слово тяжело, оно не предназначено для человеческого горла, а потому становится солоно, и собственная кровь капает на жертву.

Взмах клинка.

Смерть.

Она заставляет зажмуриться от удовольствия. Сила… сила вытекает с кровью, чтобы попасть в путы алтарных камней. И уже в них бурлит, пытаясь пробиться сквозь узкое русло каналов.

И дальше.

И душу вытягивает за собой, направляя её туда, где ждет её сын Айлура.

– Господин, – младший жрец промакивает лицо теплым полотенцем. – Следующего?

– Нет, погоди…

Камни раскалены. Силы в покойнике оказалось прилично.

– Пусть уберут и не спешите…

А ведь Аахым говорил.

Он предупреждал, что не тот случай, когда нужно трястись над закромами. Он к старшему жрецу ходил, объяснял, показывал расчеты и доказывал, что запас прочности низкий.

А что в итоге?

Старик выслушал, покивал трясущейся башкой, да благословил на подвиг во имя веры. Мол, пусть станет это испытанием…

Станет.

Уже стало.

Рука сама потянулась к фляге, но Аахым удержался. Отступил, присел на пол, скрестив ноги, и выдохнул.

Равновесие и спокойствие.

Спокойствие и равновесие.

Это и вправду испытание, но он пройдет его успешно, доказав не только свою полезность, но и силу… а там… Айлур Кровавый давно уже заждался возлюбленного сына своего, пусть даже кровь Айлура и даровала тому многолетие, но не вечность. И когда место Верховного освободится, Аахым сумеет сделать так, чтобы его занял достойный. Губы сами растянулись в улыбке.

Но тотчас кто-то из певчих запнулся и, оборвав тонкую нить заклятья, стал заваливаться на бок. Благо, служители подхватили и быстро, пока разрыв в ткани бытия не затянулся, толкнули на освободившееся место следующего. И снова зазвучали голоса.

Правда…

Что-то изменилось.

Рядом.

Неуловимо.

Так, будто… неприятное чувство, как крошки в чистой постели… и понять, что не так, не выходит. Взревел демон.

И успокоился.

Потоки силы забурлили… камни, камни-камни… запасных всего дюжина, и те встроены в контур и получили часть нагрузки. Выдержат? Или нет?

Или…

Крик ужаса вырвал из размышлений, впрочем, тотчас оборвался.

– Я же сказал погоди. И рты им…

– Учитель… там…

Больше мальчишка ничего не успел сказать. Он вдруг захрипел, засипел и забился пойманной рыбой в чужих руках. А потом что-то хрустнуло в шее, и мальчишка затих, чтобы упасть. И ладно, просто упасть и умереть, хуже, что не на алтарь. Ничто так не раздражало Аахыма, как бессмысленная смерть. Он хотел даже возмутиться, но сообразил вдруг, что так не должно быть.

Точно не должно быть.

Он поднялся.

Хотел вскочить, но тело двигалось медленно. Так всегда бывает, когда разум выбирается из потока силы, и Аахым понимал, что не успевает… а ещё чувствовал рядом силу иного толка.

Враждебного.

И эта сила свила гнездо в груди мертвеца. Аахым даже узнал его. Тот самый, последний.

Упёртый.

И теперь после смерти не успокоился. После смерти? Мертвецы не восстают! Не те, у кого вырезали сердце во славу Айлура, не… а этот вот вернулся.

Он стоял над мертвым мальчишкой, измазанный черной кровью, страшный, с дырой в груди. Живой. Точнее немёртвый.

– Некромант, – Аахым вытянул руку и крикнул певцам. – Проклятый! Вы там! Не сметь останавливаться! Кто замолчит, пойдет на алтарь…

И певцы поняли.

Его они боялись больше, чем восставшего мертвеца. А некромант… как он сюда пробрался? Через ущелье, что само по себе было защитой, через патрули и сторожевых химер, в пещеры…

Ходы перекрыты.

Тропы сторожат. А он… сумел. Хитрая тварь!

– Уходи, – сила, которая принадлежала богу, закипела в руках. – Я приказываю, проклятый… и тебе, ты… на тебе печать Айлура! И ты должен уйти к нему…

Мертвец молча поднял руку, а потом согнул пальцы, оставив торчать один.

Чуть склонил голову, а затем быстрым неуловимым движением ткнул этим пальцем в глаз. Аахым успел ударить в ответ, и сила Айлура выплеснулась на тело. Мертвец вспыхнул, но это его не остановило.

И ослепший от боли Аахым взвыл.

И голос его был до того громок, что певцы все-таки замолчали, а он, отшатнувшись, вновь ударил, только… как убить того, кто уже мертв? Кто…

Руки мертвеца сомкнулись на шее. От него несло гарью и смрадом гниющего тела, и чем-то ещё. Этот третий запах, чуждой уродливой силы, вызывал такое отвращение, что сам Аахым на долю мгновенья утратил самообладание и тоже закричал, жалко, тонко.

А потом, когда совладал с собой, стало поздно.

Он упал на алтарный камень, и тяжелая, объятая пламенем рука придавила сверху, не позволяя подняться. А вторая сложенными щепотью пальцами ударила в мягкий живот, пробивая плоть.

И Аахым захлебнулся от боли.

Он почувствовал, как выдирают сердце. И что оно ещё бьется, трепещет в руках восставшего мертвеца. И что кровь, попав на руны алтаря, сплелась с ними сетью. И в сеть эту угодила душа Аахыма. Её вдруг потянуло.

Туда, вниз, по тонкой, но диво прочной нити.

– Нет! – Аахым вдруг осознал, что произойдет дальше. Мир сделался серым, вязким. И он сам, сколь ни рвался, не способен был получить свободу. Душа рвалась, но не имела сил вырваться.

И…

Аахым видел то, что происходит вовне.

Мертвецов, что один за другим выходят, чтобы найти своих жертв. Вот только эти двигались иначе, рывками, покачиваясь, будто кто-то извне управлял ими, как дитя управляет куклами.

Но мертвецы-куклы тоже справлялись.

Находили жертв.

Вот кто-то ударил камнем по голове певца, и тот рухнул. Вот другой просто вцепился в волосы и потянул куда-то человека, вопящего, брыкающегося… вот третий… и четвертый. И нить молитвы оборвалась, а следом, спустя мгновенье, задрожали стены реального мира, готовые рухнуть под собственной тяжестью.

Нет! Тогда все зря, тогда…

Нить дернула, и душа полетела ниже, а потом её поймали, сдавили когтистой лапой. И это тоже было больно.

– Я… – Аахым развернулся, чтобы увидеть уродливую покрытую шипами харю демона. – Отпусти меня! Немедленно! Я жрец! Я твой повелитель! Я…

Тварь разглядывала его с интересом. В выпученных глазах её отражался сам Аахым, но и только. Ни искры разума, ни тени его… и пасть раскрылась широко.

Аахым заорал, но… кто его слышал?!

Хан Валисий осознал, что совершил ошибку. Точнее не он, но его отец, который решил, что этот шанс нельзя упустить.

Как же. Их род древен.

Их род славен.

Их род незаслуженно позабыт. И обнищал потому, что хан позабыл, чем живут истинные дети Танери… что холодное железо создано, чтобы проливать кровь, а не…

Голос отца, сипловатый и злой, нашел поддержку среди других голосов. А храмовники подсказали, как и что надо говорить, чтобы быть услышанным. И собрав недовольных, предложили возродить былую славу.

Храмы… нельзя верить храмовникам.

И сейчас, глядя на собравшихся в пещере, Валисий с трудом сдерживал желание заорать. Да и то потому, что крик показал бы бессилие его.

Надо было возразить отцу… но он возражал, за что и получил плетью по спине. Старик, переживший несколько войн, назвал Валисия трусом. А объяснить, что это не трусость… что не из страха он… не из того страха, который заставляет отступать с поля боя, но из того, что сжимает сердце ледяной рукой при мысли о сестрах и младших братьях, на которых падет гнев хана…

Нет, старик не готов был слушать.

И младшие… они смотрели так, будто самими этими сомнениями Валисий показал собственную слабость. В глазах их, прежде восторженных, он увидел презрение.

И отец, указав на них, сказал, что, если Валисий не готов пойти, то другие сыновья точно не опозорят его седины.

Тогда Валисий промолчал.

Склонился ниже перед родительской волей и сказал, что не нужно отправлять младших. Он сам пойдёт, ибо он – лишь меч разящий, тогда как отец – рука, которая этот меч держит. И что хороший сын всегда исполнит отцовскую волю, чего бы это не стоило.

– Ты больно мрачен, Валисий, – произнес Этай-хан, сидящий рядом. – Не веришь нашему другу?

– Жрецам верить – ума не иметь, – Валисий окинул взглядом собравшихся.

Воинство?

Разнородное и бестолковое.

У дальней стены устроились Итшеры, сразу четверо братьев, каждый со своей сотней. Впрочем, сотня – это громко сказано. Может, в былые времена и водили они сотни, а теперь хорошо, если десятка два бойцов привели. Правда, бойцы свирепые, тут сказать нечего…

Говорят, род раскололся.

Младшая ветвь откликнулась на призыв Великого хана и ушла служить, кто-то даже в Золотые пробился. А остальным нашли место в ханских гарнизонах, и тоже с перспективой. И променяли они волю с гордостью на право носить цвета хана…

Валисий и сам подумывал.

Правда, он староват для такого, но…

Старшие Итшеры здесь. Пьют и веселятся, вспоминают о подвигах былых, меряются красотой клинков, да только клинки те, как и доспех, от храмов получены.

И в долг, а не в дар.

Хорош союзник, нечего сказать.

Дальше, в тени стены прячется молчаливый Эвилий. Тонкокостный, сухолицый, поджарый, как степной волк. И опасный, как скорпион. Род его не богат, но знатен.

И хану верен был.

Так что странно видеть его здесь. И потому взгляд Валисия снова и снова возвращался к фигуре, что застыла с кубком в руке.

– Девку с братом не поделил. Он всё не женился. Говорил, ищет особую, такую… ну, сам понимаешь, – Этай-хан явно скучал, и интерес заметил, и счел нужным пояснить.

Валисий кивнул. Знает он, что такое сердца боль.

Он тоже не женат.

Как его Аимет умерла родами, так больше и не сподобился, хотя отец сперва намекал, потом требовал, потом и плеть изломал о непокорную спину, но… Валисий просто не мог.

Не хотел.

И в кои-то веки не уступил отцу. Сказал, что род на нём не прервется, младшие братья вон есть. Если с ним чего и приключится, они протянут нить крови. Так что да, он понимал Эвилия.

– Вот и встретил такую, что глянулась. И отца попросил, чтоб отправился с дарами, как оно положено. Узнал, не сговорена ли красавица, да и просто… тот и отправился. А с собой брата старшего прихватил. Ему девка тоже глянулась. Так что сговориться сговорились, но…

Эвилий повернулся, будто почуяв, что о нем говорят. И Валисий склонил голову.

– Нехорошо, – произнес он. – Когда брат с братом так…

– Ну да… так-то… Эвилий сразу и отделился. Точнее как… земли-то ему не досталось, но коня забрал, людей кликнул. Его знают. Уважают. Вот и пошли.

Но куда идти?

Почему не под руку хана?

Или… самому уйти легко. Воину в поле и ветер друг, а земля за перину сойдет, но, когда с тобой люди, все сложнее. Людей кормить надо. И их коней, и их семьи. А храмы всегда привечали воинов.

Храмы богаты.

Золото же многие проблемы решить способно. Только…

– Не так что-то? – поинтересовался Этай-хан.

– Всё не так, – тревога внутри нарастала. – Жрецы обещали, что крепость рухнет. А она стоит. Теперь демона вызывают…

– Возлюбленного сына Айлура…

– Кучу дерьма можно назвать розой, но от этого иначе пахнуть она не станет.

Этай-хан хохотнул.

– А ты прям поэт…

– Я не поэт. Я… неспокойно, – Валисий потрогал глазницу и, поморщившись, вытащил стекляшку, которая вдруг показалась неудобной, мешающей. – Демоны – твари, с которыми людям не по пути. Всегда тварями были. И наши предки завещали демонов бить, себя не жалея. А жрецы вот людей режут им на радость. Я же тут сижу. Сижу и жду, когда зарежут столько, чтобы демон явился.

– Явился и ударил по врагам…

– По врагам и мы могли бы ударить. Ты же видел. Крепость почти не охраняют. Людей там мизер. Почему нельзя было нормально? Чтоб… не знаю… по-человечески? Обойти. Подняться по стенам. Вырезать часовых. Открыть ворота…

Раздражение, кипевшее внутри столько времени, выплеснулось.

– Почему мы, воины, сидим здесь и пируем, празднуем победу, которой нет? И… это вот всё…

Прозвучало громко. Вот только слова эти вызвали смех. Этай-хан поморщился и произнес:

– Жрецы…

– Жрецы, обряженные в платья, командуют воинами, – Валисий тряхнул головой. И замер.

Ухо уловило неправильный звук. И Валисий вскочил.

– К бою!

Он не знал, что случилось, но знал – случилось. То самое чутье, которое некогда позволило поднять сотню по тревоге задолго до того, как взвыли трубы. И отразить удар. И выскочить, сохранив жизнь свою и своих людей… не всех, да, но многих.

И заныл утраченный глаз.

И меч покинул ножны. И…

– Валисий, хватит уже…

Только Эвилий вскочил на ноги, прочие же сидят. Смотрят с недоумением, с насмешкой даже… люди… они слушали сперва его, потом жреца.

Теперь и вовсе не хотят больше слушать.

Хотят пить и делить призрачную добычу.

– К бою! Что-то идет не так! – Валисий повернулся к выходу. – Пение смолкло… слышите? И… кричат…

– Жертвы кричат, – отмахнулся кто-то из младших, вытягиваясь на ковре. – А ты, старик, стал слишком тревожен.

– К выходу, – Эвилий перемахнул и через серебряный поднос с остатками барашка, и через полулежащего Тинрета, который лишь сонно моргнул. Всегда он был неравнодушен к вину. И Эвилий, не удержавшись, отвесил пинка. – Вставайте, ленивые задницы!

Этот звук терялся среди прочих.

Тихий шелест. Так трется о камни змеиная чешуя. Или ноги… босые ноги, не способные оторваться от земли. Много босых ног.

И силы…

Воздух принёс её запах, точнее запах мертвечины, который был смешан с тонким ароматом тьмы. Валисий узнал и эту смесь. Тот, кто однажды вдохнул такое, до смерти не забудет:

– Некромант! Мертвецы…

Первыми шли певчие… обнаженные, расписанные узорами, они сжимали в руках камни, и взгляд их был полон безумия…

– К выходу, – Эвилий оказался рядом. – Все! Вперед! Вместе!

Ханы завозились.

Они были воинами, но… удара не ждали. Мертвецов не ждали.

– Отступаем, – Эвилий указал на выход.

– Погоди, – Валисий сунул бесполезный меч в ножны. А вот пламя в руках заклубилось. Сила отозвалась тяжко, с натугой. Ей не нравилось то, что происходило рядом.

Демоны…

Демоны меняют мироздание. И сила огня отказывается подчиняться. Но сам вид пламени мертвецов задержал. Пусть на мгновенье, но…

– Отступаем! – повторил Эвилий, и голос его перекрыл крики. – К выходу! Кто огневик, бейте… только не заденьте… чтоб!

Он выругался, когда несколько огненных шаров, выпущенных напуганными людьми, ударили не столько в мертвецов, сколько в других…

И Валисий ясно осознал – этот бой не будет легким.

– За меня, давай. Вода? Держись. Руби плетями. На куски, – он указал за спину, и Эвилий не стал спорить.

Этай тоже оказался рядом.

Кто-то вопил, кто-то кружился, пытаясь отбиться от мертвецов клинком. Кто-то умирал, чтобы…

– Некромант, – шёпот раздался над ухом. – Они притащили в крепость некроманта…

Когда перед Валисием возник жрец с оскаленной пастью и дыркой в груди, он не стал раздумывать, ударил всей силой, которую имел. Белое пламя охватило тело, и жрец упал под ноги прочим.

А Эвилий, ухватив за пояс, потянул.

– Кто сумеет, тот выберется. Ты сделал, что должно…

И это были правильные слова. Но легче не становилось. И словно подтверждая, что все пошло не так, как должно, где-то там, внизу, возопил демон…

Глава 6
Повествующая о некоторой специфике искажения модных тенденций в провинции

– Мы ничего не можем сделать против материи, – напомнил Император. Вперед вдруг, выступила Рысь. – мы можем пустить ее на портянки!

– Нет можем. Я – квинтэссатор и встану в круг. Мы совершим квинтэссенцию.

О неожиданных маневрах

Честно, до последнего я сомневалась, что получится.

Все-таки одно дело пробраться в чужой сад в обход охранной системы и, обнаружив свежепохороненного пуделька, оживить его на радость хозяйке.

Ну… не совсем на радость.

Даже, скажем так, совсем не на радость. Но сама виновата, не надо было матушек обзывать нехорошими словами. А ещё, между прочим, тэра!

Тогда мы с Карлом чисто сработали.

Он заприметил дух несчастной собачонки, которая так любила хозяйку, что не нашла в себе сил уйти, а потом кинул на неё нить-ориентир. Я ею и воспользовалась, чтоб… в общем, весело было. А главное, что мы очень честно ответили, что и близко к особняку уважаемой тэры Аниер не подходили.

И вообще, и город к тому времени покинули. А воскрешение? Что, воскрешение… бывают в мире вещи и более удивительные.

Но тут другое.

Дух человека – это, конечно, посильнее, чем собачий.

Да и…

Вообще, говоря по правде, и в тот раз всё обернулось отнюдь не скандалом. Тэра потом извинения принесла. Сама лично приехала, принесла, а потом попросила как-то вот поработать с собачкой. Раз уж та воскресла и вообще… оказалось, что пуделя она своего любила куда больше, чем людей. И когда первый шок прошел, всё-таки обрадовалась.

Осознала…

И решила, что какая ей разница, мёртвый он или живой. Главное, что рядом. Особенно, если получится доработать, чтоб не вонял и не разлагался.

Потом, помнится, матушка Нова с ней и контракт какой-то заключила. На что-то там…

Ладно, осознания требовать от демона не будем. Все книги сходятся к тому, что низшие к мыслительному процессу в принципе не расположены. А высшие, конечно, мыслят, но не так, как люди.

И осознанность свою, коли она появляется, используют отнюдь не во благо. Так что…

– Кицхен, – Карл дернул меня за руку. – Твой черед. Я ведь все-таки не особо с духами… нить кидаю, а ты теперь…

А я теперь.

Душа устремляется к телу, унося с собой каплю моей силы. Но и эта ноша для неё была почти неподъемна. Сила разъедает душу, но та, упёртая, лишь ускоряется.

И я с ней.

И мы успеваем. Оба.

– Оставь… я хочу сам, – я слышу шепот мертвеца, потому что душа, вернувшаяся в тело с силой некроманта – это вполне достаточно, чтобы тело разбудить. И руки дергаются.

– Не спеши. Погоди…

Капля – это мало. Этого не хватит, чтобы поднять армию, но этого хватит, чтобы построить мост. Пусть на нити силы, но достаточно крепкий, чтобы выдержать силовой поток. И демон, ощутив неладное – не любят они некромантов, что, впрочем, вполне взаимно, отозвался ревом.

Плевать.

– Киц? – братец рядом. – Я могу что-то сделать?

– Можешь. Хватай души и давай, ко мне… если кто хочет отомстить.

А желающие найдутся. Я бы вот точно шанс не упустила, потому что человек, который обрек не просто на смерть, но на смерть души, должен быть наказан. И Карл кивнул.

Руки его легли на плечи.

– Держись…

Сила…

Наша с ним сила очень близка. Вообще некроманта и мага смерти перепутать легко. И они, и мы имеем связь со стихией, которая остальных пугает, но… все равно разная.

И близкая. И обе нити сплетаются в одну.

И я даже знаю почему – обе наши силы связывает третья. Фея… фея – это вам не просто крылышки и желание добро сотворить. Это ещё и волшебная палочка, которой средних размеров фея любого отхреначит, если он добровольно откажется добро сотворять. Ну и сила, да… сила… души летели на призыв Карла.

И как-то ловко у него получалось вытягивать их из пут демона. И души повисали на созданной им нити этакими бусинами. Впрочем, они не просто висели. Они катились вперед, через ущелье, туда, где, питаясь моей силой, готовился подняться мертвец.

Или уже не готовился. Что там готовиться-то?

Он встал.

Ну а следом и другие, благо, якорь вышел хорошим, а силы… силы у меня пока хватит. И я просто плеснула её, подкрепив печатью призыва. Мол, вставайте, люди добрые и не очень…

Они и встали.

И души устремились. Пусть и не во всех, но когда в теле душа, то и управиться с ним легче. А дальше вообще как-то так всё завертелось.

Понеслось.

Я видела перекошенную рожу жреца, который пытался вырваться из цепких рук. Вон, и магией плеснул, щедро так, от всей души. Только против мертвеца магия – так себе… плоть, конечно, горит, но боли покойник не чувствует. Да и движет им иная сила.

Потому так сложно жить без некроманта.

Мертвецы множились. Армия моя пополнялась, причем, как выяснилось, даже эти вот, сидевшие в углу узкоглазые любви к жрецам не испытывали. И на молчаливое предложение Карлуши отозвались с превеликой радостью.

Дальше…

Дальше просто.

Сила.

Направление. Много силы и… в какой-то момент я ощутила, как уходит она, водой сквозь пальцы. И что её, всегда бывшей в избытке, осталось мало… даже не мало – мизер.

Того и гляди…

– Киц! – голос брата донесся издалека. – Киц, бросай…

Не могу.

Нельзя вот так… если я оставлю их, то…

Я видела глазами мертвецов ужас на лицах танерийцев. И слышала звон железа, кипение огня, который плескали щедро, только без особой пользы.

И ещё немного и я их дожму.

Ещё…

– Киц, держи! – в плечи вцепились чьи-то пальцы, сдавили так, что кости затрещали. И я застонала, но не от боли, а от ощущения третьей силы, которая кипящим огнем полилась в меня, внутрь, в пустоту под сердцем, чтобы, закружившись вихрем, устремиться туда…

На другую сторону.

Киньяр. Его пламя не обжигало – согревало, обнимало теплым одеялом.

И снова заревел демон.

И содрогнулась земля. И кажется…

– Киц, хватит! – меня тряхнули.

И я с сожалением отправила по нити остатки того, что было. А потом разорвала эту самую нить.

Жаль, конечно.

Без моей поддержки мертвецы долго не продержатся, но и так получилось… отлично получилось. Я хотела это сказать, но… почему-то пол качнулся влево, потом вправо.

Потом вообще крутанулся, вывернувшись из-под ног. Что за… я поняла, что падаю. И что упаду. Всенепременно… но почему-то не упала.

И вообще…

Странно так.

Последнее, что я слышала перед тем как отключиться, возмущенный, полный какой-то глубокой искренней обиды вопль демона.

Трувор сделал вдох.

И выдох.

И белый туман на вкус оказался горьким. Он растекся, наполнив ров до верха. И в белесой этой мути, непроглядной, густой, что сливки, пряталось нечто.

А главное, Трувор чувствовал это… существо?

Существ.

Чувствовал так же ясно, как саму древнюю твердыню. Границу стен. Основания башен, что уходили вглубь скалы корнями. И узоры защиты, выступившие поверх, и пустые каналы, словно сосуды, лишенные силы-крови. Трувор поделился.

Он не понимал, как, но… получилось.

Энергия потекла, оживляя Таут-ан-Дан.

– Аккуратней, – сдержанный голос тэра Бернхарда не позволил увлечься. – Сил у вас хватает, но и они не бесконечны. А у нас тут…

Тут.

Там, во рву.

Туман не смеет приблизиться. Точнее он пытается, но натолкнувшись на зеленоватую вязь знаков, выведенных магом смерти, отползает.

Шипит.

– Твари, – Трувор стоял, опираясь на меч.

Он видел и людей.

Часовые.

И солдаты, выстроенные в боевой порядок. Им страшно, но мертвые офицеры за спиной пугают тоже. А ещё страх не настолько всепоглощающ, чтобы лишить разума.

Да и отступает, тот, самый первый, внушенный тварью.

Если закрыть глаза, всё воспринимается ярче. Яснее. И понимание приходит, что тварь в крепостном рву – это плохо, но не настолько, чтобы паниковать. Древняя защита с каждым мгновеньем разгоралась всё ярче.

– Прорыв, – тэр Бернхард стоял за плечом, и рука его не позволяла полностью раствориться в крепости. – Танерийцы решили не мелочиться. Сразу и демон…

Он задумался, а потом произнес:

– Демоном на меня ещё не покушались. Это… очень льстит.

Трувор хотел бы спросить, но это означало, что придется открыть глаза. А если он откроет, то чудесное всевидение может исчезнуть.

Этого Трувор не хотел.

– Вы что-то видите? – поинтересовался тэр Бернхард тоном весьма светским, что не совсем подходило к обстановке.

– Да.

– И что же?

– Туман.

– Туман и я вижу.

– Он ров заполнил…

– Это не совсем туман, это так называемая первичная энергетическая субстанция, которая появляется в месте разрыва реальности. Для людей она крайне опасна, поскольку сама по себе нестабильна. И эта нестабильность негативно сказывается на здоровье. Известны случаи, когда люди, оказавшиеся внутри данной субстанции, весьма стремительно менялись, превращаясь в нечисть… и не только люди.

– Очень своевременное предупреждение, – не удержался Трувор. Впрочем, прислушавшись к себе, он снова понял, что туман не опасен.

– Мы одарены, поэтому переживать не о чем.

– А солдаты?

– Им есть о чём, – кивнул тэр Бернхард. – Но здесь плотность потока крайне низка… нет, он всё одно влияет, поэтому вам и магам предстоит освоить заклятье чистки. Оно довольно простое. Я покажу. Но вот спускаться вниз я бы не рекомендовал.

Трувор поглядел и подумал, что он тоже крайне не рекомендовал бы кому-нибудь спускаться вниз, туда, где туман или эта вот субстанция обретали плотность, если не твердость. И в ней, внутри, на глубине, что-то двигалось.

– Чем выше и дальше от источника прорыва, тем ниже плотность субстанции. И меньше опасность. Ко всему, я не ошибусь ведь, сказав, что защита крепости выжигает или поглощает негативные эманации? Но вот внизу… внизу всё куда как хуже. Субстанция растеклась, так что, полагаю, в ближайшее время работы для некроманта прибавится.

– Надо же, как интересно, – сердце успокаивалось, да и в целом-то былой страх отступил, оставив место ощущению крайней неловкости.

Кто-то там за стеной поревел, и Трувор испугался.

Нехорошо.

Недостойно.

– Что ещё видите? – поинтересовался тэр Бернхард, которого, кажется, ни прорыв, ни демон, ни начавшаяся война ничуть не тревожили.

– В этой вашей субстанции что-то есть… плавает… то ли рыба, то ли не рыба… но здоровая. И не одна.

– Это низшие демоны. Их выбрасывает потоком, а потом, если прорыв ширится, то и сами они лезут…

Очередной вопль из тумана заставил вздрогнуть и сжать меч.

– Но обычно за низшими следуют и высшие. Во всяком случае наш маг смерти одного точно учуял… будем надеяться, что только одного.

Туманная река вдруг пришла в движение, то тут, то там на поверхности её возникли водовороты. Они расползались, задевали друг друга краями, норовя поглотить, и отступали тут же, отползали, чтобы замереть, застыть… и снова сталкивались.

Вот выпрыгнула тварь, нечто – то ли рыба со щупальцами, то ли птица с плавниками, то ли вовсе сложноопределимое. Существо задержалось над белой гладью ровно настолько, чтобы по стене пронесся испуганный вздох… и тут же забилось в когтях иной твари, куда большей…

– А вот это, я полагаю, демон, – все так же, с оттенком светской меланхолии, произнес тэр Бернхард. – Вообще, как вы к демонам относитесь?

– Пока не сталкивался, но… – меч под рукой отозвался на вопрос злым звоном. – Ему они не нравятся.

– Демоны, если подумать, мало кому нравятся. Вепутация у них, знаете ли, крайне неоднозначная.

Тварь с визгом исчезла в глубине белой реки, откуда донеслось жадное чавканье. И главное, звук такой… ну, даже погромче рёва.

– И манеры. Точнее полное их отсутствие. Так, полагаю, ритуал подходит к завершению, если демоны начали воплощаться, – тэр Бернхард вытащил из нагрудного кармана футляр, из него – монокль, который вставил в глазницу. – Извините, в отличие от вас я не могу использовать контур крепости…

– Я не…

– Вы да, но пока сами не понимаете. И я не понимаю. Честно говоря, мало кто вообще понимает. Но древние твердыни, они такие… имеют свои особенности. И секреты, да…

Почему-то подумалось, что об особенностях и секретах конкретной твердыни тэр Бернхард знает куда больше, чем сам Трувор.

– Другое дело, что часто это все завязано на старую магию. А там условия… то кровь должна быть определенной, то сила… то ещё что-то. В прошлом маги были ещё теми затейниками. А добавьте отсутствие внятных стандартов, правил… помножьте это всё на силу и выйдет… выйдет, что далеко не каждый комендант, сколь бы хорошим управленцем он ни был, получает те же возможности, что и вы. Демона видите?

– Нет.

– Присмотритесь. Кстати, глаза опять закройте. Потянитесь навстречу крепости. Попытайтесь её ощутить…

Трувор не стал спорить.

И…

– Вижу, – сказал он через мгновенье. – Он здоровый…

– Больше Дикого вихря?

– Не настолько… хотя… страшнее. И кажется, он чем-то недоволен.

Четырехрукая тварь шарила в тумане, а создания помельче спешили убраться от неё, что, впрочем, удавалось не всем. Но дело даже не в этом…

Огромное тело демона словно застряло в узкой дыре, из которой сочился новый туман.

– Там дырка такая…

– Прорыв.

– И он в нем застрял.

– Что?

– Ну… он пытается выползти, но, кажется… не кажется… точно застрял.

Демон неловко взмахнул руками, потом заколотил ими, пытаясь уцепиться за туман, но лишь взбаламутил его. И тут же окрестности огласил возмущенный вопль его. И столько обиды было в нем, столько горечи, что где-то демона стало даже жаль.

– Значит, – тэр Бернхард шарил взглядом по молочной реке, заполонившей ров. Но, похоже, его артефакт не был столь хорош. – Что-то у них с обрядом не получилось…

Белая муть пришла в движение. Из неё снова выскочила тварь, задержавшись на долю мгновенья, а потом плюхнулась и спешно рванула прочь. Впрочем, демону, кажется, было всё равно. Он бился, пытаясь выползти из дыры, а та становилась меньше, сдавливая тяжелое тело…

– По-моему, портал закрывается… – произнес Трувор неуверенно. – А такое возможно?

– Тут надо демонолога привлекать…

– А есть?

– Практикующих, боюсь, ещё сто лет тому сожгли. И не могу сказать, что были не правы. Так что теперь остались одни теоретики.

– И не здесь, – Трувор кивнул. Теперь наблюдать за демоном стало даже интересно. Вот он припал к земле, упираясь в неё многосуставчатыми конечностями. Брюхо распласталось, подалось в стороны этакою огромной подушкой. Когти впились в камень, тело дернулось раз, другой и снова. Демон старательно пытался уползти от воронки, но та держала крепко. И пульсировала.

Мелко.

Часто…

– Что-то там они недорассчитали, – поделился он мыслью с тэром Бернхардом. – Она точно закрывается…

– Что логично. Мир стремится восстановить свою целостность, – кивнул тот. – Однако обычно, если уж призывают демона, то как-то стараются его целиком призвать. А здесь… подозреваю, что-то нарушило течение обряда… такое случается, если демонолога убить. Жертвы перестают питать демона, кровь и сила их – держать канал. Стенки последнего разрушаются, а мироздание естественным образом затягивает прорыв.

Демон заерзал.

Заскулил.

И торопливо пополз дальше. Из воронки с трудом, но вытянулся ещё кусок тела, когда-то покрытый броней, но теперь та, кажется, не пролезла, во всяком случае над тушей заклубился туман, и сама она будто размытая… но вот с рывком демон вытащил конечность, и вторую… и всё-таки воронка схлопнулась.

От вопля демона содрогнулись горы.

– Хвост обрубило, – сказал Трувор, когда смог говорить.

– Знаете… в столице новая мода.

– Там, по-моему, каждый год новая мода.

– Само собой. Но я не о том. Собакам охотничьим хвосты купируют. И уши.

– Ушей у демона нет, только рога. А хвост – да… но это ж не собака?

– Так и тут не столица. Мода, – тэр Бернхард крутанул рукой. – Она имеет обыкновение искажаться… там собаки с купированными хвостами. Тут демон. Чего ещё от провинции ждать-то?

– Действительно…

Стена слегка дрожала, потому что, кажется, демон утрате части тела не обрадовался. Он, опустившись на все конечности, крутился, силясь дотянуться до раны. И длинный язык его хлопал по туману, подбирая капли черной крови. А вокруг, жадные, суетливые и пока трусоватые, собирались твари помельче.

Они суетились.

Толкали друг друга, точно подбадривая, и в какой-то момент мелкая тень рванула, чтобы ухватить кусок демонической плоти и отпрянуть раньше, чем ударит когтистая лапа.

И у неё получилось.

– Демон, – произнес тэр Бернхард задумчиво. – Демон – это проблема, однако… сам он никуда не исчезнет. Сейчас, когда прорыв захлопнулся, демон или раствориться, что бывает с совсем мелкими, или перейдет на уровень материального мира…

Трувор не был так уверен с переходом, потому что вторая тварь сорвалась, пытаясь повторить маневр первой, но взмах когтистой руки рассек её на части, что, впрочем, остальных ничуть не впечатлило.

Белесый туман бурлил.

И пусть он стекал уже обратно в ров, но уже там окрашивался черно-бурым цветом. Из глубин раздавался то рев, то визг, то вопли, но все это больше не казалось опасным. Демон, обнаружив трещину в каменной стене, забился в неё. Подогнув голову, он выставил перед собой рога, которые тускло светились и, кажется, отпугивали тварей поменьше. Но не настолько, чтобы те вовсе отступили.

Белесые длинные тени метались перед щелью, привлеченные запахом демонической крови.

– Демон будет проблемой, если изо рва выберется, – Трувор убрал руку с меча. – А пока проблемы как раз у демона…

– Ай, у них всегда проблемы, – тэр Бернхард посмотрел вдаль. – А всё почему? Характер…

Демон взвыл и крутанулся, пытаясь стряхнуть очередную мелкую погань, которая не удержалась и впилась в лапу…

– Хотя знаете, вот раньше как-то, читал, в рвы крепостные запускали тварей… химер зубастых, чтоб точно никто не переплыл в ночи… думаю, демон в этом смысле тоже сгодится.

– Полагаете?

– Ему всё равно, кого жрать… главное, чтобы не выбрался.

Выбираться демон не собирался. Он сунул руку с зубастой мелочью в рот и зачавкал. Туша его, втягивая белесый туман, обретала всё более материальные черты, но при этом что-то подсказывало, что в материальном плане щель может оказаться узковатой.

Но опять же…

Жрать надо меньше!

– Надо будет поставить кого, чтоб присматривал, – решил Трувор. – И Каэр найти. Почему-то мне кажется, что тут без них не обошлось…

Глава 7
Где нужно учиться дышать

Командир вражеской армии, уже довольно седой, стоял у алебарды, которой управляют два инженера.
Пара слов о торжестве инженерной мысли

Ощущение опасности с каждой минутой усиливалось.

Кирий.

Ушёл и не вернулся.

И это не обыкновенное неуважение, которое он позволял себе в последнее время. Нет, тут иное. То, что заставляет напрягать чувства, принюхиваться и…

– Учитель? – задремавший было Орик встрепенулся. – Что-то случилось?

– Пока не знаю.

Да.

Чутье не обманывает. Кирий… попался? Как? Он опытный следопыт. Или правильнее сказать, что был таковым? За годы многое изменилось. И человек, которого Ликий, как ему казалось, знал едва ли не лучше, чем себя, тоже изменился.

Мог ли он решить, что сила важнее осторожности? Мог ли вовсе эту осторожность утратить?

Мог.

И то, и другое…

Орик смотрел, ожидая его решения. Но что решать? Возвращаться? Это правильнее всего. Пусть даже возвращение и навлечет на них гнев хана. Не только из-за возвращения, вот если бы Ликий вернулся с утраченным артефактом, его бы простили.

Их бы простили.

А так…

Время потрачено. Замеры сделаны, но впустую. К усадьбе соваться вовсе безумие. А в итоге что скажут? Ликий обманул. Завладел сыном хана, втерся в доверие к наивному мальчишке и прибрал к себе, чтобы окрутить с одной из дочерей… да, так и скажут.

И говорить будут многие.

И храмовники – громче всех. Поверит ли хан?

Но и оставаться, если Кирий раскрыт, нельзя.

Сомнения разрывали душу Ликия, и всё же решение было очевидно. Сам бы он рискнул, но… сам бы… в принципе, что мешает отвести мальчишку на болота, а потом вернуться? На болотах тот продержится, сообразительный. А если что, то и дорогу обратную отыщет. Ликий же доделает работу. День или два на это уйдёт, если постараться. Один, он сумеет подобраться к дому. Сделать замеры… если то, что нужно жрецам, прячется в доме, пусть они это сами и добывают.

Рог там.

Нож.

Перо из задницы демона.

Да, пожалуй, это решение было самым удачным.

– Собирайся, – Ликий отряхнулся. – Уходим.

Орик моргнул. И поднялся как-то медленно… и снова моргнул. Замер, чуть подавшись вперёд.

– Что? – спросил Ликий обеспокоенно.

– Сила… я силу чую, – сказал он удивленно. – Ту… проклятую.

– Темную, – поправил его Ликий. – Она вовсе не проклята. Просто иная.

Во взгляде мальчишки читалось сомнение.

– Ты же не считаешь проклятой левую руку, которая отличается от правой? – поинтересовался Ликий. Но ему не ответили. Глаза у Орика затуманились, будто выпил он чего-то. Сглотнул и…

– Нам надо туда, – он указал в лес. – Надо… очень надо.

И поднялся, медленно, словно во сне.

Сделал шаг.

И ещё один. Затряс головой, пытаясь высвободиться. И сделал ещё шаг. И следующий. И вдруг, сорвавшись, бросился вперёд.

– Орик! – Ликий забыл про тишину. Да и какая тут тишина, если мальчишка ломится прямо через лес, что лось молодой. Нет, лоси двигаются даже тише, а этот…

Надо было уходить.

Ещё вчера.

Или в тот момент, когда стало ясно, что с Кирием неладно… или просто… а теперь что? Хотя понятно. Он клятву давал. Впрочем, без неё Ликий не бросил бы ученика.

Он быстро понял, что догнать не сумеет.

Пусть Орик и шёл напролом, но быстро. Да и сам он юркий, легкий на ногу, Ликий же тяжелее и медлительней. Лес не терпит спешки. Вот и осталось, что встать на след и надеяться, что злая сила, тянувшая Орика вперёд, туманившая разум его, отступит раньше, чем на пути мальчишки встретится кто-то по-настоящему опасный.

Ликий и богам бы взмолился, если бы это могло помочь.

Он почти успел. Он даже поверил, что успевает.

Вот шаг Орика замедлился.

Вот мальчишка остановился. Даже замер, прислушиваясь к чему-то, хотя сам Ликий ничего не слышал.

Не ощущал.

Вот качнулся… и сделал шаг. Ещё один. И ещё… и снова сорвался на бег, но уже далеко не такой стремительный. Ликий прибавил шаг.

Быстрее.

И сердце колотилось.

Лес поредел.

Посветлел.

И вовсе отступил, сменившись лугом, на котором Орик снова застыл. Он опустился на корточки, потом выгнулся, будто принюхиваясь к чему-то, а вот распрямиться ему Ликий не дал. Он ударил в спину, сбивая с ног, навалился сверху, заодно схватив руки, прижав мальчишку к земле.

– Орик… Орик!

Тот не слышал.

Не отвечал. Ерзал, хрипел и… и в какой-то момент просто затих. Чтоб…

– А теперь, – голос этот раздался слишком близко. И Ликий подумал, что в другом случае ни за что не подпустил бы чужака так близко. – Отпусти его и поднимайся. Медленно.

И сказано это было спокойно, с уверенностью, что приказ будет исполнен.

– Н-нельзя! – чужой язык давался тяжело. Давно уже Ликий не говорил на нем. – Он… болеть.

Он перевернул мальчишку на спину, прижал пальцы к тонкой шее. Дышит. И сердце бьется, что хорошо. От этого прикосновения Орик вдруг вытянулся.

Голова его запрокинулась, губы побелели.

Думай, старый шакал… там, сзади, один. Кто? Насколько силен? И… будь Ликий один, он рискнул бы. Развернуться. Ударить.

И бежать.

Но… с Ориком не выйдет. Тот раскрыл глаза. Чтоб… в них клубилась живая черная сила.

– Он… темный сила. Звать. Не совладать! Я просить… я… плохой учитель. Он – сын хана. Спасти. И проси выкуп. Отец богат. Много-много золота. Лошадь. Много лошадь. Что хотеть, проси… я…

– Выкуп, значит… выкуп – это хорошо. А вот про темный дар можно поконкретней?

– Некромантия.

– Некромантия, – голос говорящего звучал глуховато. – Так… выруби его.

– Что?

– По голове дай! Только не сильно. Не покалечь. Нужно, чтобы он потерял сознание…

– Я иначе.

Орик дышал мелко и часто. И теперь Ликий слышал силу, скрытую в этом теле. А ещё начал понимать, что может произойти. Пальцы с легкостью нашли жилу на цыплячьей шее, закрыв ток крови. Орик дернулся и затих.

– Хорошо, теперь вставай. Медленно…

Ликий подчинился. И сам же, не дожидаясь приказа, наклонился, подхватил обмякшее тело.

– Мальчик не уметь. Сила закрыт. И теперь ожить.

– Чтоб… – за спиной обнаружился мужчина в расшитом золотой нитью зеленом халате. Халат был коротким, по местной моде. Но впечатлил не он и не перстни, украшавшие пальцы мужчины, и даже не клинок в его руках, но огромный, едва ли не выше человека, кабан.

Ко всему покрытый чешуей.

Из пасти кабана выглядывали клыки, каждый, пожалуй, с руку человека будет. Ликий сглотнул. И человек обернулся.

– Не стоит переживать. Малыш мирный, если, конечно, я не прикажу, – человек придерживал кабана за клык, и почему-то это не внушало доверия. – И вообще, радуйся, что тебя мы нашли, а не Каэры… у их собачек разговор с чужаками короткий. Так, давай сюда своего пациента… сын хана, говоришь?

– Да. Любимый, – поспешил добавить Ликий.

Глядишь, и не тронут. Ценных заложников выкупают или обменивают. Ликий лишь надеялся, что хан согласится на такой обмен, что мальчик ему всё-таки нужен.

– А не похож он на любимого… ладно, пошли. Учти, кабаны бегают быстрее человека… да клади ты его на спину.

– Нет, – Ликий покачал головой. – Не тяжел. Я нести. Он… ученик.

– Ученик?

– По крови.

Мужчина хмыкнул и, склонив голову, поглядел так, по-новому.

– Очень интересно… ладно, на месте разберемся. А вы тут вообще как оказались?

– Грибы искать. Заблудиться.

Чушь, конечно.

Но… пока настоящий допрос не начался, сойдет.

– Грибы? Понимаю… места тут хорошие. Грибные. Сам вот люблю. Особенно трюфеля. Правда, пока ни одного не нашёл, но главное ведь не результат. Главное – процесс! Процесс – вот, что вдохновляет… Да не дергайся, не тронет он. И под ноги смотри. Может, всё-таки на Малыша?

– Я сам.

Возражать мужчина не стал. Поднялся на цыпочки, огляделся и, сунув два пальца в рот, свистнул. Причём получилось громко, заливисто. На свист его из ближайших кустов выскочила уже знакомая свинья, правда, камзол сменившая. Новый тоже был зеленым, но темнее. Впрочем, ткань столь же роскошная.

И шитье.

И берет имелся, правда, прикрывал другое ухо. А неприкрытое, загибаясь треугольником, падало свинье на глаз.

– Идите за ним, – ютландец указал на свина. – Тут недалеко… впрочем, думаю, вы знаете, куда идти. И поторопитесь, если не хотите попасть под спонтанный выброс темной энергии. Времени у нас не так, чтобы много.

Орик дышал.

Часто. Поверхностно. И с губ его стекали нити слюны, которую он не пытался сглатывать. Глаза все ещё были открыты, но тьмы в них становилось больше.

– Вы… помочь?

– Конечно, – кивнул ютландец, который шел следом, при этом не выпуская из рук свиного клыка. Вряд ли это имело смысл, потому что не в силах человеческих удержать подобную тварь. – Грибник не имеет морального права отказать в помощи другому грибнику!

Прозвучало издевательски.

Но мальчишка на руках наливался жаром. И Ликий кивнул. А потом сказал:

– Спасибо.

Орик горел.

Он знал, что рано или поздно умрет. Ещё в тот момент, когда божественная кровь, которую он пригубил из чаши, опалила рот, он понял, что не достоин великой чести. А значит умрёт.

Кровь и божественная сила опалили язык.

И нёбо.

И вся его суть воспротивилась принятию её. Она же ухнула внутрь, и жар побежал по кишкам, а потом рванул обратно. Орик пытался удержать, памятуя о наставлениях учителя, но не сумел. Кровь вырвалась изо рта грязным потоком, смешанным с желчью, а он слег в горячке.

И горел, горел… а потом дар запечатали. Сказали, что поможет, что удержит, что он должен быть благодарен за милосердие… а у него не получалось.

Теперь Орик тоже горел.

Сгорал, но никак не мог сгореть до конца. Внутри рвались божественные цепи, призванные сдержать проклятый дар его в узде. И черное солнце пылало всё ярче. А вокруг клубился туман.

– Какой забавный… – этот голос заставил пламя отступить. – А почему он такой?

– Какой?

Ещё одна женщина.

Откуда в лесу женщины?

Или не в лесу?

Что… где он? Орик хотел открыть глаза, спросить, но веки налились свинцовой тяжестью. А на грудь упало солнце. Зеленое.

И это солнце придавило другое, его собственное.

А потом разрослось и обняло. Оно было горячим, но… не злым? И пусть причиняло боль, однако эту боль Орик готов был терпеть.

– Не знаю. Неправильный! – первый голос был звонким.

– И чем он неправильный?

– Ну… говорю же, не пойму… там, внутри. Вот тут!

Палец – а теперь Орик чувствовал и его – ткнул под ребра, выдавив воздух. И тот вышел из груди с некрасивым звуком, за который тотчас стало стыдно. Пусть Орик и не знал, где находится, но понимал, что нельзя вести себя неподобающе.

Особенно в присутствии женщин.

– Ой…

– Ты его искалечишь…

– Я потом вылечу!

– Дорогая, пациент, который обращается к целителю, в принципе изначально рассчитывает на то, что его просто вылечат. А не сперва искалечат и потом уже вылечат.

– Я не специально.

– И всё же постарайся аккуратнее. Он сейчас очень уязвим. Ты видишь источник, рост которого сдерживали искусственно… это в принципе возможно, но ни к чему хорошему не приводит. До определенного возраста ещё можно закрывать, что порой и делают, чтобы дитя себя не покалечило. Но все ограничения снимают рано. А здесь вот почему-то… видишь? Источник формировался в крайне неблагоприятных условиях. Он рос, но не вовне, а внутрь. В итоге мы видим что?

– Что?

Их не пугало черное солнце. И Орик тоже слушал. Было интересно.

– Плотность. Посмотри сама, дорогая, энергетическая решетка настолько плотная, что это почти на пределе возможностей… и при этом дар у мальчика яркий, стабильный. Даже сейчас сформирована правильно… кое-какие мелкие дефекты имеются, но право слово, незначительные.

Зеленая сила наполняла тело и жгла.

– Чуть меньше поток. Вот так… интересно. Смотри, остатки удерживающего заклятья… заклятий, я бы сказала. Весьма и весьма надёжные, если хватило так надолго. Но источник всё равно жил и пытался поглощать силу… а на наших землях уровень её несколько выше… сродственной…

Теплые пальцы рисовали на груди узор, незнакомый, но от этого прикосновения становилось легче.

– Источник наполнялся и активировался. И чем больше наполнялся, тем сильнее давил на ограничивающий контур. Вот тот и треснул. Но удивительно, что обошлось без выброса. Это… крайне неразумно, ограничивать рост силы мага. Тем паче некроманта. Запертая сила или носителя убьет, или прорвется и убьет всех, кто находится рядом.

– А почему они это делали?

– Не знаю. Я слышала, что танерийцы не любят некромантов… погоди. Вы. Как вас зовут?

– Ликий, темнейшая госпожа.

– Ты понимаешь наш язык?

– Да, госпожа.

– Можешь не кланяться при каждом слове.

Где они? Как оказались в этом месте? Тьма отступала, оставляя странную слабость.

– Его звать Орик. Он есть сын хан. Любимый.

Сомнительно.

Если бы отец и вправду любил Орика, он бы не отдал его храмам. Там плохо. Орик хотел сказать, но сила шевельнулась и рванула, однако была остановлена иной. Тоже темной, но прижавшей волну.

– Тише, мальчик, – обратились к нему так ласково, как никогда прежде. – Волнуется… он слышит нас, похоже. И это хорошо. Значит, сила не повредила разум.

– А если повредить?

– Тьма – опасная стихия, Ликий. Если бы его сила повредила его разум, то мне пришлось бы прервать нить его жизни.

И почему-то не возникло и тени сомнений, что она смогла бы.

– Но раз слышит и реагирует, то шансы неплохие. Не стоит противиться, мальчик, – это снова было сказано Орику. – И не стоит пытаться подчинить силу. Ты же не пытаешься подчинить руку или ногу? Чтоб… он понимает?

– Не знать. Я скажу, госпожа?

– Скажи. Постарайся, чтобы он понял. Сила вырывается, но он вполне способен справиться с нею. Не надо сопротивляться…

Женский голос звучал мягко. Он обволакивал, убаюкивал, обещая покой. И речь наставника вплеталась в эту почти песню.

– Не надо пытаться удержать её. Или запереть. Пусть позволит спокойно течь по телу, как течет кровь. И дышит… не забывает о дыхании… вот так… вдох – втягивает силу, выдох – выпускает её, но тоже мягко…

Черное солнце внутри перестало яриться.

Оно слушало.

И сила потекла, сила…

– Госпожа, отец этого мальчика…

– Потом, – отмахнулась женщина. – Сейчас мы закончим, и ты напишешь отцу этого мальчика письмо.

Зря.

Отцу нет дела до Орика.

И никому-то нет дела до Орика…

– Тише, – сказала женщина. – Самое страшное позади… дыши. Просто дыши. Дитя, рождаясь, вдыхает воздух и учиться выдыхать его. Криком. С источником то же самое. Он сделал вдох силы, а теперь должен её выдохнуть и снова вдохнуть. Просто дышать.

Кто бы знал, до чего сложно бывает просто дышать.

Глава 8
О влиянии прикладной демонологии на моду

Сейчас, в Шихане, стоял день недели, который мы называем понедельником, а на местном диалекте дни недели назывались чуть по – другому, но всё равно похоже на европейские названия. – мондельник и веднесда

Об интуитивно правильных названиях

Некромант был похож на покойника.

Лежал ровненько так, укрытый сразу тремя одеялами. У ног его устроился Патрик. А у изголовья – маг смерти. Тот сидел на стуле, закинув ногу на ногу, и вертел в руках куклу.

– Как вы думаете, – Каэр даже оборачиваться не стал. – Если действовать радикально? Не стойка и пышное жабо, а, скажем, просто стойка? Или даже двойная стойка? Чтобы снаружи – логическое продолжение единого выдержанного стиля, а изнутри – мягкий подклад? И никакого жабо или кружева? Это, конечно, убавит изящества, однако придаст не только строгость, уместную, если речь идёт о военных мундирах, но и некоторую изысканность линий. В последнее время мне, знаете ли, начинает казаться, что мы несколько перебарщиваем…

– Ваш брат как?

Карлайл моргнул, явно не понимая сути вопроса. Но очнулся.

– Брат? А… брат… спит. Переутомился. И поверьте моему совету, лучше не будить. Он… весьма нервным становится, если его будят.

Трувор подумал, что в чём-то вот где-то некроманта понимает.

– Это ведь вы нарушили ритуал? – спросил он.

Маг смерти, кажется, смутился. И уточнил этак, осторожно:

– А не надо было?

– Надо, – поспешил заверить тэр Берхнард. – Очень надо. Но хотелось бы понять, как именно вы это сделали.

– Просто. Кицхен использовал душу жертвы, чтобы та вернулась к телу и перенесла частицу его силы. А дальше использовал как маяк и опору, чтобы протянуть нить. И уже по нити передал свою силу дальше. Но устал… всё-таки там далеко. Тяжеловато. Но Киц сказал, что жреца у них больше нет. И в целом там… суматошно получилось.

Трувор повернулся к окну, за которым проглядывали горы.

Далеко? Тяжеловато? Да он вообще не слышал, чтобы кто-то совершал что-то подобное.

– Ага… а душу где взяли? – коронный ревизор тоже в окно смотрел. И мысли, кажется, у него были сходные.

– Я призвал, – на тэра Бернхарда посмотрели чистые наивные глаза. – Взял одну из тех, что предназначались демону. Интересный, к слову, эффект… – Карлайл покрутил куколку и поставил на кровать. – Заклятье призыва направляет душу к демону, то есть создает своего рода путы, из которых душа не способна вырваться и вынуждена следовать по пути от алтаря к твари, однако негативные эманации самого демона дестабилизируют энергетическую структуру и заклятье слабеет. В результате образуется некая свободная зона, в которой демон является центром притяжения. И дальше души следуют уже под влиянием этого поля. И я создал собственный центр притяжения. А поскольку мой потенциал оказался выше, чем у него…

Трувор посмотрел на парня.

Ни рогов.

Ни дополнительной пары рук.

И вообще как возможно такое? Как?

– Теоретически, – уточнил Каэр на всякий случай. – Вообще у нас про демонов в библиотеке не так много информации…

– Призывать собирались? – тэр Бернхард поинтересовался так холодно. – Как правило, люди не читают о демонах по доброй воле. Вы ведь не демонолог?

– И близко. Я вдохновение искал.

– Что?

– Вдохновение, – терпеливо повторил Каэр. – Понимаете… мода… как мне кажется… это исключительно личное восприятие, я не претендую на экспертность, но в последние годы мода заходит в тупик.

Мода у Трувора с демонами никак не вязалась.

Но у Каэр, как он успел понять, была своя собственная логика.

– Сами посудите. Куда мы движемся? К чему придём? Зачем это постоянное усложнение кроя? Эти вот подбитые конским волосом плечики? Или карманы, куда помещают вкладки для ягодиц и икр… но это ладно, я в целом. В принципе. Остро не хватает свежего взгляда! Идей! Таких, которые могли бы встряхнуть этот замшелый мир двубортных камзолов!

Трувор посмотрел на ревизора.

Может, парнишка слегка того… от стресса?

– И ткани. Расшитые материи… цветы, вензеля, огурцы… красиво, безусловно, изысканно… но статично. Каждый год то же самое! Разве что размер шитья меняется. И в узорах кружев всё повторяется так или иначе.

– И поэтому вы пошли читать демонологию? – тэр Бернхард говорил очень мягко.

– Только основы. Ещё был бестиариум. Демонический… такой, в черненькой обложке. Папе он трофеем достался…

– С железными запорами? – уточнил тэр Бернхард. – И заклятыми камнями?

– Точно! Очень интересный стиль! С такой, знаете ли, тонкой ноткой тоски и отчаяния.

– Это «Повествование о тварях запредельных и способах их призыва и обуздания», – тэр Бернхард посмотрел в окно, и слова эти прозвучали странно. – Мастера Нотиуса Кровавого… запрещенный труд. Откуда он у вас?

– Папа где-то то ли нашел, то ли добыл… – Каэр пожал плечами. Кажется, его такие мелочи не занимали. – Книга, конечно, странная…

Трувор прикусил губу.

Он слышал.

О мастере, который заслужил свое прозвище. И учениках его, объявивших мастера новым богом. И о том, что учинил он в некогда славном городе Геште… и о книгах, написанных не мастером, но именно учениками.

На человеческой коже.

Кровью…

Запрещенных, проклятых… сводящих с ума, если верить легендам.

– В ней ещё души заперты были, – Карлайл поморщился. – Не люблю такое… я их отпустил. Но про демонов читать было интересно! Вот вы знаете, что возраст демона можно определить по спилу его рогов? Если посчитать кольца?

Трувор мысленно потянулся к крепости. Демон оставался на месте, втянув в себя большую часть тумана, он окончательно воплотился. И как Трувор предполагал, застрял в щели.

Но рога имелись.

Оставалось понять, как их спилить и надо ли. В конце концов, какая разница, сколько демону лет?

– Я надеялся отыскать что-то такое… вдохновляющее.

– И как? – этот вопрос тэр Бернхард задал ласково-ласково.

– Никак… появилась мысль создать коллекцию в демоноборческом стиле. Вот, – тэру Бернхарду протянули куклу. И тот взял её аккуратно. – Обратите внимание. Тёмный цвет. Аккуратная и очень сдержанная отделка исключительно вдоль края. Укороченный крой камзола позволяет продемонстрировать не только голени, но и сильные бедра…

– Эм… – кажется, подобного поворота коронный ревизор не ждал.

– Кроме того я усилил кюлоты кожаными накладками. А воротник сделал небольшим, но теперь мне кажется, что это всё вторично! Знаете, почему?

– Нет.

– Потому что читать про демонов – это мало! Вот теперь я думаю, что… понимаете, это всё вторично! Ткани, игра с отделкой… нужны кардинальные перемены! Минимализм! Никакого кружева вовсе, но лишь исконная чистота линий…

– Думаю… у вас получится, – тэр Бернхард вернул куколку. – Уверен в этом.

– Полагаете?

– У вас есть все задатки… вам что-нибудь нужно?

– Мастерская. Швейная машинка не помешала бы… образцы тканей, – Каэр принялся загибать пальцы. – Я пока в раздумьях, стоит ли использовать бархат, атлас или всё-таки они чересчур вызывающе будут, тем паче ткани сами по себе мягкие, а нужно что-то гораздо плотнее, иначе вместо строгих линий выйдет мятое нечто…

– Нет. Я не о том, – перебил парня тэр Бернхард. – Вам нужно что-то сейчас? Вода. Еда… вы как себя чувствуете?

– Нормально.

– А ваш брат?

– Брат? А… точно. Всё время забываю, – он обернулся и поправил одеяло. – Да, пожалуй, он не откажется поесть, когда проснется… хорошо поесть. Много. Вы себе не представляете, какими прожорливыми могут быть некроманты…

– Доставим.

Благо, теперь в крепости есть не только овёс. Хотя…

– Скажите, – мысль зацепила. – А в той книге не было сказано, как демона изгнать?

– Нет. Они только призывали и подчиняли, но, как я понял, не слишком успешно. Демоны так-то туповаты, поэтому плохо поддаются дрессировке.

Ага…

Чтоб…

– И что нам с ним делать? – Трувор указала на окно. Демон, явно осознав, что попал в ловушку, успокоился и, кажется, попытался думать. Во всяком случае позу он принял прехарактерную. И голову свою рогатую подпер обеими левыми руками. – С демоном? Он пока застрял, но… похудеет и вылезет?

– Хотите, я создам защитный контур с другой стороны рва? – предложил Карлайл. – Тогда он будет и дальше во рву сидеть…

Он поднялся.

И сел.

– Чуть попозже, ладно? А то и вправду далековато было… да и я от ужина не откажусь. Если вы не против…

– Странные они всё-таки, – сказал тэр Бернхард, аккуратно прикрыв дверь. – Вы понимаете, что о произошедшем не стоит распространяться?

– Об атаке на крепость? О демоне? Или…

– Или… будем считать, что танерийцы сами не справились со сложным ритуалом, утратив контроль над тварью.

– Мальчишки совершили невозможное!

– Именно поэтому будет лучше, если никто об этом не узнает.

Как и запретной книге, с которой сняли неснимаемое проклятье.

– Но…

Это звучало нехорошо.

Подло звучало.

– За такое медаль дают, – сказал Трувор.

– И яд с нею, на всякий случай. Сильных боятся. А слишком сильных… найдутся те, кто увидит в Каэр угрозу. И не могу обещать, что я или вы, или Контора с этой угрозой справится. Да и… – тэр Бернхард пошевелил пальцами. – Пусть их и дальше считают забавными недотёпами…

– Они скрывать не станут. Очень… откровенные молодые люди.

– Ваша правда. Но кто им поверит? Тэра Урсула, надеюсь, вы понимаете, что не стоит рассказывать об услышанном…

– О чём именно? – призрак выглянул из стены. – Извините, я не рискую приближаться к Карлуше. Он очень впечатлительный мальчик. И я не уверена, что он не впечатлится настолько, что… потом переживать станет.

– Вот и хорошо…

– То существо внизу опять орёт. У меня от его воплей мигрень начинается.

– Это демон.

– Тем паче. Вы, будучи мужчиной и магом, могли бы как-то повоздействовать… – с этими словами тэра Урсула шагнула в стену.

– Женщины, – отозвался тэр Бернхард. – Никогда их не понимал. Матушку вот понимаю, кузин тоже, хотя и не всегда… а вот обычных… поэтому и не женился.

И в словах его было что-то до боли знакомое.

Трувор посмотрел на стену.

– Надо, наверное, сообщить о нападении. Первый удар мы выдержали, но сомневаюсь, что танерийцы на этом остановятся, – мысли перешли на вещи обычные и, в отличие от женской души, напрочь понятные. – Если прорвутся к городу, выйдет нехорошо… да и в принципе. Только… оптограф не работает.

– Это плохо…

– Гонец?

– Не стоит, – тэр Бернхард покачал головой. – Прорыв всегда сопровождается с энергетическими всплесками, да и вторичные случаются. Тем паче крепость окружена рвом, а у нас в нем демон. Демоны.

– Демон застрял, – счёл нужным сказать Трувор. – А вот прочие…

Мелкие твари, отчаявшись добраться до кровящего хвоста, расползлись по всему рву. Толстые тела их мелькали то тут, то там, а порой и вовсе взлетали уже не над молочно-туманной, но просто над водой.

Ладно, не просто.

Вода во рве тускло светилась.

– Именно. И человек на мосту для них – приглашение к обеду. Поэтому пока наш общий друг не ограничит тварей, если у него получится… а мне кажется, что получится… но пока этого не произошло, покидать крепость не стоит.

– Я бы мог пройти. Вы тоже…

– Сделаем проще. Не будем ослаблять оборону, поскольку не очень ясно, что предпримут танерийцы, но воспользуемся птицей. Помнится, к Каэр прилетал ворон… надо проверить, не успели ли его отпустить.

– Нет, – из стены выглянула тэра Урсула. – Мальчики хотели написать письмо вместе. Но не успели.

– Отлично. А мальчики могут направить ворона к градоправителю?

– Не надо, – сказал Трувор. – У нас с ним… сложные отношения.

– А, это вы прокляли?

– Не я. Каэр.

– Каэр… так! А ведь один из них где-то там, в городе.

– Чтоб…

– Вы сейчас о Каэр беспокоитесь или о городе? – с толикой заботы поинтересовался тэр Бернхард. – Сильный маг, думаю, с демонами разберется, тем паче, если вторичные прорывы и случаются, то обычно они куда слабее, и действительно крупных тварей там не будет. Но да, предупредить надо. А то действительно, может получиться неудобно. Тэра Урсула, что скажете?

– Скажу, что это разумно. Киньяр сейчас на западной башне. Что-то он в защитной сети меняет или правит, я тут не очень понимаю… но лучше обратитесь к нему. Карлуше и вправду стоит отдохнуть. У него очень тонкая душевная организация…

Спорить Трувор не стал.

Действительно, зачем лишний раз дергать уставшего мага смерти…

– Отлично. Составим записку, – тэр Бернхард потер руками. – Ворон найдёт юношу, а уже он сообщит в столицу… с ответом сложнее, но в принципе, тут и без ответа задача ясна – держаться.

На другой части ущелья.

Валисий привалился к холодной влажной стене, зажимая рукой рваную рану на боку. Стоило порадоваться, что мертвец был безоружен.

Но мертвец был.

И радоваться не выходило.

Жрецы… жрецы снова ошиблись. И заплатили за ошибку жизнью, что, в принципе, было правильно с точки зрения Валисия. Однако весьма скоро платить придётся и ему.

И не только…

– Держи, – ему сунули флягу. Сам Эвилий опустился на пол рядом. – Жив?

– Пока ещё… вопрос – как надолго.

Флягу Валисий принял и ответил благодарным кивком. Внутри оказалось не вино, но зелье, от которого по телу прокатилась тёплая волна исцеляющей энергии. Дышать стало легче.

И в голове прояснилось.

– Наши?

– Треть, если не половина в пещере остались, – Эвилий сидел на корточках и смотрел внимательно. – Растерялись…

– Не воевали потому что… в песнях у героев всё легко выходит, – Валисий приподнял руку и наклонился, силясь разглядеть рану. Но в узком боковом коридоре, в который их вытеснили мертвецы, было не только темно, но и тесно. Где-то рядом кто-то стонал, кто-то молился, нервно и надрывно. – Поманили дураков, они и рады… побежали за славой.

– А ты?

– И я дурак. И я побежал.

– Сам?

– Отец, – Валисий поморщился, то ли от боли в боку, – на ощупь рана выходила не такой и глубокой, и кровить почти перестала – то ли от нежелания вспоминать. – Или я бы пошел, или кого из младших послали бы… а они тоже дети совсем. Ничего не видели. Тьмы точно не видели.

И не поняли бы, что происходит. И… скорее всего остались бы там, в проклятой пещере.

– А ты… видел?

– Случалось. Прежде.

Сам Эвилий довольно молод. Сколько ему было, когда та война началась?

Десять? Вряд ли больше.

– Нам ещё повезло, что некромант не подготовился, – сказал Валисий, ощупывая края раны. Начиналась та под рукой и уходила ниже. Но и вправду неглубокая. Шкуру содрали и только.

– С чего ты взял?

– Мертвецы были без оружия… видел? И рабы, и жрец наш, и прислужники его. Некромант просто сгреб всех, кто под руку подвернулся и отправил… и поднимал наспех. Как силы иссякли, так и… повалились, – Валисий махнул рукой и флягу вернул. Подниматься было тяжело, пришлось опереться на стену. И заныли раны, те, старые, давно уже затянувшиеся. – Будь он ближе… будь у него больше времени мы бы так легко не отделались.

Кто-то рядом выругался.

– Считаешь, что легко?

– Уйти ушли. Жить выжили. Так что да, считаю… ты когда-нибудь видел некромантических химер? Тварей, которые не живы, но и не мертвы? Против них бессильны и огонь, и железо. Твоя плеть не пробьет их брони, а сами они не ощущают ни боли, ни страха, ни сомнений…

– Ты так глаз потерял?

– Глаз – плата невеликая, – Валисий потрогал его. – Жизнь дороже… тогда чудом удалось уйти.

Чутье помогло.

И то, что людей своих Валисий научил слушаться приказов сразу, без раздумий и сомнений. Но многие остались на том поле. А после нашлись и такие, кто заявил, будто не было чуда спасения, а лишь одна только трусость. Что, будь Валисий и вправду истинным сыном Танери, он бы сражался до последней капли крови и не позволил тварям прорваться.

Он и не позволил.

И держал оборону, сколько смог, дав шанс отступить сотням хана Айвата. Да и останься Валисий в седле, может, вовсе не отступил бы. Может, остался бы там, на том поле, разрытом когтями тварей…

– Искрой прошило, – пояснил он Эвилию. – Вышло поднять голема. Хороший заряд любую тварь удержать способен…

Тогда в какой-то момент в его душе вспыхнула надежда, что отобьются. Что вот ещё немного и затрубят рога, и ударит широкой косой смерти тяжелая конница…

– И удерживал. А потом и голем… того, контуры перегрелись, остатки алхимической жижи рванули. Меня и приложило. Потом уже… в больничке очнулся… но и там особо шансов не давали. Меня мои люди вытащили. Принесли… ну и…

Вспоминать было больно.

Не из-за глаза. Это так… второй же остался.

– Целитель сказал, что искрой не только глаз, голову всю прошило. Но повезло, что рану она и прижгла. Вот… пару месяцев лежал лежмя.

Зачем он это рассказывает?

Кому?

Но Эвилий слушает крайне внимательно. Неужто и вправду интересно? Или как и Валисий за этим разговором откладывает минуту, когда придётся вставать и заглядывать в пещеру, где…

Придётся ведь.

Валисий знал, что бывает с телами, когда иссякает питающая их сила. Нет, будет не страшно, но мерзко… очень мерзко. А потому можно потянуть время.

– Там и жену свою встретил. Она помогала за ранеными ходить. Красивая была…

Не для всех.

Ему говорили, что может выбрать почти любую. Во многих шатрах были бы рады такому гостю. А он вот… и сироту, и узколицую да тощую, с лицом рябым и привычкой смотреть настороженно, исподлобья. Но как ей ещё смотреть было-то, когда в жизни добра не видела?

Ай…

– В родах ушла, – пояснил он, пусть Эвилий и не спрашивал.

И снова заныло, потянуло внутри. И глазница зачесалась. Валисий сунул руку и, нащупав стеклянный глаз, выдохнул.

– Она подарила. Ей ещё тот целитель, который меня поднимал, сказал, что нельзя рожать. Что… при храмах она жила. А там жизнь так-то не слишком хорошая, а её изменить пытались как-то… она сама не знала, как, да что-то не вышло. Потом он её выменял. Хороший человек. Глаз вот помог сотворить.

– Артефакт?

– Ну… слабенький. Свет дневной собирает да потом ночью может отдавать. Тускло, но лучше, чем ничего. Ещё целительский заряд хранит. Головную боль там унять, и прочие мелочи.

Глаз Валисий отер шелковой тряпицей.

– Мне дети так-то не особо и нужны были. Какой из меня отец? Я то воюю, то дела семейные уладить пытаюсь, то ещё чего… а она не послушала. Решила, что всенепременно должна мне сына родить. Хотя… может, не она…

Отцовы жены напели? Или сестры?

Или ещё кто?

Велик род. И каждому нашлось, что сказать неугодной невестке. А Валисий не смог сделать так, чтобы речи эти не ранили. Не услышал. Не понял.

Не заставил всех заткнуться.

– Она ж и молчала… до последнего молчала, не говорила. А после уж, когда живот стал виден, обрадовала. Я тогда испугался крепко. Взял её и повёз. К её наставнику. Что, если уж вышло, то под присмотром надежным.

– Не помогло?

– Нет.

Он покачал головой.

И снова подумалось тоскливо, что, может, зря он вовсе выжил. Лёг бы там, в пещере, с остальными. И всё. Ни забот, ни хлопот.

Ни тянущей этой боли в груди.

– Идем, – сказал он и поднялся. Движение получилось резким, от него и бок заныл, и голова. – Что? Или думаешь, что я в мертвяка обращусь?

– Не обратишься?

– Нет. Это ж не чума… хотя вот чуму подхватить от них недолго. Или другую какую заразу. Поэтому раны нужно обработать, обеззаразить… так… – Валисий огляделся и, сделав пару шагов, пнул сгорбившуюся у стены фигуру. – Встать!

Человек всхлипнул, но поднялся, прижимая к груди руку. Пахло от него характерно, гарью.

– Имя.

– Малитий, Валисий-ата, – человек согнулся. – Я пришел с Тимий-ханом…

– Где твой господин?

– Не знаю.

– Плохо. Эй вы, – Валисий вложил в голос силу, и стоны, если не стихли совсем, то громкости поубавили. – Хватит ныть! Вы воины или дерьмо шакалье?! Подъем!

Эхо голоса прокатилось по коридору.

– Собраться! Раненых вывести. Проверить своих людей…

Конечно, мертвецы были тут. Но только ли тут…

– Оказать помощь тем, кому необходимо помочь…

Эвилий держался за спиной, но не спешил вмешиваться.

– Ты, – Валисий ткнул в стоящего рядом Малития. – Найдешь Агара-ата, это мой сотник. Пусть пришлёт двоих…

– Уходить надо, – раздался нервный голос. В темноте не разглядеть, чей, а сил выпускать огонь не было. Точнее силы эти Валисий не желал тратить понапрасну. Он вставил глаз в глазницу, и люди отозвались слаженным вздохом, в котором слышался тихий ужас.

Как дети, право слово.

– Поздно уходить, – Валисий придержался за стену. – Мы пришли сюда, поверив храмовникам… но сейчас, будьте уверены, храм скажет, что их тут не было. Или объявит того неудачника отступником, а мы с вами станем кем?

– Мятежниками, – подсказал Эвилий, и был услышан.

– Именно. Мы и есть мятежники, которые нарушили данное ханом слово. И потому ждет нас не почёт, но удавка… и то, если только нас.

Тихо стало.

Очень тихо.

Впрочем, ненадолго.

– Мы… мы должны ударить! Сплотиться и ударить! – воскликнул кто-то там, в темноте. – Нам не нужны жрецы! Мы и сами справимся…

Идиоты.

Какие же… и главное, сами этого не понимают. А голоса уже подхватили гениальную идею.

– Тихо, – рявкнул Валисий. – Ударить… сейчас от нас удара и ждут. Или, думаете, там не подготовились? Нет… нас ждали тут.

Потому как иначе объяснить, что крепость, за которой люди Валисия – вот не доверял он жрецам – наблюдали уже несколько недель, оказалась вовсе не так слаба? Ему ведь докладывали, что стены обветшали. Что патрули, пусть и выставлены, но службу несут лениво, порой вовсе позволяя спать на посту. Что солдат мало, а те, которые есть, ни на что не годны…

Это всё было сделано нарочно.

Ловушка.

И Валисий в неё угодил. Впрочем, не только он.

– Сейчас надобно сперва успокоить людей. Скажите… скажите, что жрец ошибся в проведении обряда. Что вместо сына Айлура он вызвал демона…

Ропот был ответом.

– И что этот демон восстал против жреца. И убил его. Всех убил. И что мы с трудом, но загнали тварь в бездну…

Голосов стало больше.

– Однако прорыв не удался. И планы нужно будет изменить…

Отступить?

Самое разумное. Осаждать подобную твердыню бесполезно, но… куда отступать? Возвращаться домой? Каяться и надеяться, что Великому хану достанет его, Валисия, головы? И что остальных он не тронет?

– Мы всё равно возьмем Проклятую крепость! – возопил кто-то там, в глубине тоннеля.

Как есть идиот.

Но ведь не бросишь же.

Глава 9
В которой затрагиваются вопросы слабого здоровья магов

…Это произошло как-то одновременно. Видящая вонзила клинок в сердце одного, как вдруг…в то же время чья-то секира вошла глубоко прямо в спину, аж конец выглядывал из живота. Она поперхнулась и задним лезвием убила раневшего ее.
Когда герой получается слишком крутым.

Я лежу.

Лежать хорошо.

Хорошо лежать – ещё лучше. Чувствую, что тело легкое-легкое, как пушинка. Правда, длится это чувство недолго, потому как примитивная физиология разрушает всякое очарование.

Желания сходить в туалет и пожрать, как всегда одновременные, разрушают легкий сон.

Я открываю глаза.

Ага.

Я у себя. Помню этот кривоватый потолок с трещинами.

Я не одна.

На груди моей покоится кукла Карла. Ноги прикрыты одеялом, и на них навалилось что-то тяжёлое.

Свинудль. Лёг поперек и спит. Причём похрапывая так, ощутимо. Рядом, устроившись в кресле, сопит Карлуша, его сонное бормотание я узнаю из тысячи. А с краюшку кровати примостился и Патрик.

Чудесно.

Я пошевелилась, на что свин откликнулся возмущенным всхрапом, а Патрик вскочил.

– Живой! – радостно, пусть и шепотом, воскликнул он и широко зевнул. Потом нахмурился и уточнил. – Вправду живой?

– Вправдивей некуда.

Голос после сна был ещё сиплым, но это ничего. Главное, что в целом, вроде, нормально так. Руки шевелятся. Ноги… ну, раз чувствую тушу свинудля, значит, точно на месте. Голова наличествует. А остальное как-нибудь да отрастёт.

Некроманты вообще живучие.

Патрик не спешил радоваться дальше, но глядел с немалым подозрением.

– А мамка говорила, что если маг после смерти встаёт, то чудищем оборачивается! – сказал он и палец вытянул, на меня указавши.

– Личем, – поправила я и ногами всё-таки пошевелила. Ответом было возмущённое хрюканье. – Это называется лич. Когда мертвец воскресает самопроизвольно, то как правило получается упырь. Тело продолжает существовать за счёт тёмной силы, но разума не имеет. Нервная ткань разрушается первой, а это имеет свои последствия…

Карлуша сонно затряс головой и руку вытянул, указав пальцем на стену.

И Патрик, дёрнувшийся было, проворчал:

– Вы все туточки странные…

– А то, – согласилась я. – Так вот, у магов всё несколько иначе. Источник силы сохраняет тело. Не навсегда, само собой, но процессы разложения идут много медленней. А поскольку концентрация магической энергии в разных тканях отличается, и в нервной достигает макси-

мума, то и разрушается она, соответственно, медленнее прочих. В результате, если происходит воскрешение, то мертвец сохраняет ряд способностей. Особенностей…

Стряхнуть с ног свинью – та ещё задача. Особенно, когда та не желает стряхиваться. Лютик приоткрыл глаз, глянул на меня с укоризной, и закрыл. Вставать и освобождать мои ноги он не собирался.

– Во многом, конечно, и тут всё зависит от того, как быстро был поднят покойный и успела ли его душа покинуть тело, или вообще перерождение случилось в моменте… в общем, тогда и появился термин «личностно-сохраненный объект». Или лич.

– А… – протянул Патрик. И кажется, не туда я пошла лекцию читать. – Мамка говорила, что проверять надобно.

– Как?

– Кол вбить. В сердце. Если помрет, то и вправду человек. А нет – то и мертвяк.

– Вот… давай ты мне на слово поверишь, а? кроме того, не все личи – это зло. У меня вот наставники были такими. И у братьев. И вообще, что за странные предубеждения? Покойник – тоже человек!

От такого заявления Патрик растерялся.

– Карл! – рявкнула я. И братец медленно повернулся ко мне. Глаза его были открыты, но пусты.

– Он – этот… лич! – выдал Патрик.

– Нет, он живой. Просто сомнамбула…

– Чего?

– Во сне ходит.

– А… – Патрик на всякий случай отодвинулся. – Под себя? Если так-то лечиться надо. Пояс греть. И ещё жопу.

– Нет, просто. Сны снятся, и он в них, как наяву…

Карл медленно поднялся и, махнув рукой, заявил:

– Всех вас одену!

– Так мы того… – попытался возразить Патрик, но я дотянулась и схватила мальчишку за руку. Ну его, с его идеями. Ещё пырнет Карлушу, если не колом, то ножом. А запасного брата у меня нет. Вырываться Патрик не стал, но выразительно повторил. – Мы одетыя!

– Прямые линии! Это гениально! Это невероятно! Главное – держать прямые линии…

– Бредит, – Патрик поглядел на Карлушу с сочувствием. Кажется, вбивание кольев и иных предметов в сердце откладывалось. – Болезные вы, маги, как я погляжу… то в обморок, то бредите.

– Нитки! Всё дело в нитках! Хлопковые должны быть наилучшего качества! А как их хранят? Как хранят, я вас спрашиваю?! А? Сырость! Мыши! И хлопок гниет, нить утрачивает прочность!

Голос Карла был полон такого неподдельного трагизма, что даже мне стало боязно за судьбу ниток.

– А он не того? Ну… ещё раз и всё!

– Нет, он просто вот… сон видит.

Ноги я вытащила и пихнула Лютика в бок.

– У тебя хозяин бредит, – сказала я свину, который посмотрел на меня, потом на Карла и широко зевнул. Кажется, данное обстоятельство его не слишком обеспокоило.

– А шелк? Безусловно, шелк намного лучше, однако следует принять во внимание… – Карл замолчал и, мотнув головой, произнес. – Да… идти нужно по нити! Эти нити самые лучшие! И я смотаю! Лично.

Он ухватил в воздухе что-то, видимое лишь ему, и радостно воскликнул:

– Вот оно!

Чтоб… а ведь казалось, что перерос.

– Тут же ж ничего нет… – Патрик сам придвинулся ко мне.

– Для нас. А вот он видит.

Лютик, всхрюкнув, сполз с кровати, шлепнулся на задницу и, изогнувшись, почесал ногой за ухом.

– Может, его… ну… того?

– Это мой брат!

– Разбудить!

– Нельзя, – я смотрела, как Карл радостно наматывает невидимую нить на невидимый клубок. – Он маг смерти, а они прочно связаны с тонким миром. А сны порой – не только сны. В общем, если его просто разбудить, то может случится шок. И душа его застрянет в тонком мире…

– Болезные вы, маги, – сказал Патрик с сочувствием. – То воскресаете, то булизм…

– Сомнамбулизм. У Карла в подростковом возрасте проявлялся. У магов смерти вообще встречается, хотя обычно не так ярко и выраженно, но потом прошло. А тут вот… на нервах, наверное.

Карл, тихи хихикая, продолжал наматывать нить. Потом замер ненадолго, повернулся в сторону двери и сделал шаг.

И второй.

Замер, разглядывая препятствие, и воскликнул:

– Нити! Мы должны сделать запас! Несомненно! Кто посмел?!

Бодрый голос его разносился окрест, но стены толстые, глядишь, никто и не услышит.

– А я вообще долго спал? – шёпотом уточнила я у Патрика, который держался позади. А вот Лютик вырвался вперёд и теперь трусил сразу за Карлом.

– Ага, – кивнул мальчишка. – День. И полночи ещё. Вот тут недавно как раз полночь протрубили.

– Кто протрубил?

– А кто ж его знает… тот, кто про танерийцев упредил. Он теперь в полночь играет.

Понятно.

То есть ничего не понятно, но часы – это хорошо.

– Что тут вообще было?

Сутки проспать – это сильно, однако.

Прилично я всё-таки выложилась. Хотя по ощущениям и не скажешь. По ощущениям так-то жрать охота. Ну и в туалет. И только. Но это нормально.

– Так… танерийцы напали, – осторожно произнес Патрик и на всякий случай отодвинулся. Кажется, его вера в здоровье магов окончательно пошатнулась.

– Это я помню.

– Демона вызвали. Он теперь во рву сидит. Туман сгинул, а демоны нет. Вот ваш брат там защиту и сделал, чтоб они на другую сторону не вылезли. Так что тепериче и сидят во рву. Которые поменьше носятся туда-сюда. Прыгают.

Ага.

Карлуша… удивляет. Но да, демоны к магии смерти относятся с не меньшим предубеждением, чем к некромантии.

– А самый здоровый – жопой застрял. Ему хвост отрезало. Ну, командир сказал, это когда там жрецы ошиблися и рано ритуал закончили. Демон в дыру лез, но не пролез. Застрял. Вот ему всего и оторвало… ну, в смысле, хвост. А другие захотели его пожрать и полезли. А он, значит, щель нашёл в камнях и туда. Как призрачный был, то и ничего. А потом, воплотился, и всё… жопа застряла.

– С жопой это случается.

Помню, Килли тоже как-то застрял, что для мага камня непростительно. Хотя ту решётку отец зачаровавывал, так что, может, и простительно. Но вот тогда как раз голова пролезла, а жопа уже нет. И мы дергали, давили, а Карлуша заявил, что это всё не случайность, но голос свыше, который намекает, что Килли надо меньше пирогов потреблять.

В общем, понимаю я демона.

И даже где-то сочувствую.

– Он теперь во рву сидит и орет. А другие ничего, не орут, так… один, самый шустрый который, хотел выбраться, но его светом зеленым долбануло и всё! – Патрик развёл руками. – Кучка осталась. Ну, то есть, прах… это ещё когда по рву не поставили защиту. Это тогда комендант велел поставить, значит, чтоб демоны на месте сидели. Вот… а теперь думать надо, чем их кормить.

– Зачем кормить демонов?

– Ну… так а как иначе? – на меня поглядели с немалым удивлением. – Они же ж без того подохнут. Жалко скотину… во рву, чай, полезные. Ни один враг через этот ров не сунется. А! Мост ваш брат тоже зачаровал! Ну, чтоб в туда, – Патрик махнул рукой. – Чтоб проехать можно было.

Разумно. Осада осадой, но связь с остальным миром терять не след.

– А Киллиан? Вернулся?

– Не, – Патрик тряхнул головой. – К нему ворона отправили. Чтоб, значит, передал в столицы, что тут танерийцы напали. И война. И оборону города организовать тоже надо, но тут уже комендант с этим, ревизором, спорили, справится или нет, а потом решили отправить Одноглазого. Ну, на всякий случай. Тот точно справится. Вот они там и справляются, но как – не понятно, потому что ворон не прилетал.

Тоже разумно.

В крепости ныне спокойно. Да и стены у неё высокие. Ров опять же глубокий и с демонами. Сюда соваться себе дороже. А вот город… если танерицы обойдут крепость и ударят по городу, нехорошо получится.

Нет у города ни стен, ни рвов.

Ничего, кроме очень правдивого градоправителя.

– Ну и коронный ревизор сказал, что тот ихний оптограф надо реквизировать…

– Реквизировать! – радостно откликнулся Карлуша. – И сшить! Все должны шить! Мы оденем нашу армию!

– Пока окрест патрули выпустили, ну, чтоб, стало быть, бдили, не идут ли куда танерийцы… но тут их нету, а пропасть далеконько тянется…

Далеконько и глубоконько, но это не избавляет от понимания, что где-то да эта пропасть заканчивается. Не говоря уже о том, что при современном уровне техники мост протянуть не так и сложно. И танерийцы протягивали, иначе не было бы на этой стороне боевых химер.

Чтоб…

Надо будет воронов создать. Чуть позже. Как в себя приду.

– А! Ещё лошадка ваша убёгла. В горы. Копытами стучала, стучала… одноглазый сперва думал, что на ней поедет. А потом поглядел поближе и передумал.

Он мне ещё тогда разумным человеком показался.

– Пешком отправился. Взял с собой два десятка, сказал, что ежели вы очухаетесь, то подле города есть очень хорошие кладбища, там много кто лежит. Вот…

Работа.

Люблю свою работу, но… я широко зевнула.

– Лежать нужно красиво! – важно заметил Карл и за невидимую нить дернул. – Лежание объекта в правильной позе оказывает благоприятное воздействие на красоту отделки.

Разве что так.

– Ну а так-то спокойно. Тихо даже и скучно. Вы вот не померли, – прозвучало почти упрёком, но ответить я не успела, потому как Карл вдруг схватился за ручку и распахнул дверь, а потом решительной поступью двинулся по коридору. При этом он продолжал сматывать призрачный клубок.

– Нитки! – доносилось до меня. – Нужно больше ниток!

– А если он с лестницы сверзнется? – поинтересовался Патрик.

– Не должен. Дома не падал.

Пусть даже и уходил порой далеко. Нет, очень далеко уходил, однажды даже в лесу очнулся. Мы его и привязывать пытались, но веревки оборачивались прахом, даже крепко зачарованные, потому что маг смерти – это маг смерти. А уж когда он себя не контролирует… тогда матушка Анхен и стала ему зернышки подкладывать.

Да и отец воронов приставил, чтоб смотрели.

Вот… целителю тоже показывали.

Ну, на всякий случай. Потому что одно дело речи читать и руками махать, а другое – побеги эти вот в непонятную сторону. Наш городской целитель, с отцом знакомый, только отмахнулся, мол, не такая уж великая странность для нашей семейки. И сам по себе Карлуша здоров, бодр и весел, а остальное – это мелочи.

Перерастет.

А вот столичный, к которому батюшка обратился как раз после того случая, когда Карлуша в лес убрел, заявил, что это мозговая горячка. Хроническая. Ночного типа.

И требует изучения.

Ну и лечения, само собой.

Лечить предложил погружением в ледяные ванны и пиявками. Папенька пиявок поставил, конечно. Целителю. И в ванну со льдом его тоже засунул. Так сказать, проверяя эффективность методики, но потом у них как-то не сложилось, что ли…

А Карлуша и вправду перерос.

Сперва из дому сбегать прекратил. В доме же садился на диван и долго, страстно рассуждал о кружевах там или преимуществах цельнокройного рукава перед вставным.

Или втачным?

В общем, ворон, папенькой приставленный, его слушал и все были довольны. А к годам пятнадцати и это прошло…

Выходит, что не совсем.

Карлуша, добравшись до стены, которая выглядела глухой, замер.

– Ну вот, сейчас постоим и пойдем домой, – сказала я. И ошиблась. Братец вытянул руку и надавил на один камень. Потом на другой.

И на третий.

И в местах, которых он касался, на стене вспыхивали руны. А потом они вовсе объединились в одну большую… гномью?!

Нет, реально?

И кусок стены просто провалился внутрь. А Карлуша издал радостный вопль и шагнул в провал.

– Ух ты… – Патрик замер.

– Стоять! – успела крикнуть я, отчаянно пытаясь понять, как быть.

Следом за Карлушей в провал нырнул Лютик.

А… а потом стена вернулась.

Твою же ж!

Глава 10
Где всякому пациенту свой целитель

Выйдя в поле она осмотерлась по сторонам- вокруг было поле..
Кое-что об очевидном.

Орик чувствовал себя счастливым.

Странное чувство.

Нельзя сказать, чтобы вовсе незнакомое. Нет. В его жизни случались разные моменты. В том числе и приятные. Скажем, когда ему удалось победить Алий-ыхара, пусть и в учебном поединке, но все же. Он помнил это чувство – удивления и какого-то чистого восторга… и тогда даже показалось, что теперь-то все изменится, ведь он показал и доказал свою силу.

Но…

Алий-ахыр прошел обряд посвящения. А после, вызвав Орика, избил его так, что…

Нет, это не счастье.

Или тогда, когда в храм заглядывала тетушка. Она каждый год находила время явиться, и обязательно призывала Орика к себе. И даже когда стало ясно, что он проклятый, ничего не изменилось.

Или нет.

Теперь за несколько дней до визита Орика избавляли от работ, потом отмывали, обряжали в чистые одежды и кормили досыта. Более того, ему позволялось присутствовать на благодарственной службе, пусть и не в первых рядах. А уже потом, после службы, его вели в тетушкины покои. И она обнимала его, усаживала перед собой и сама разливала чай по крохотным белым чашкам. А к чаю тетушка привозила сладости, которых было так много, что глаза разбегались. И он, вечно голодный, вдруг терялся от такого изобилия.

Она же предлагала то одно, то другое.

И говорила.

Расспрашивала. Ласково так, мягко…

Нет, Орик не жаловался. Сперва было не на что, потом понял, что… тетушка всё одно уедет. И забрать его не заберет, потому как в свите её нет места мужчинам. А чтобы вовсе из храма… о таком он и мечтать не смел. Не смел, не мечтал, но осторожно перебирал слова, зная, что слушают.

Она тоже знала.

И выходили разговоры эти какими-то на диво неловкими. Только в конце тетушка снова обнимала его и на ухо шепотом говорила, что нужно ещё немного потерпеть.

У того счастья был привкус горечи.

Чтоб… почему все так?

– А я тебе говорю, он почти уже проснулся! – этот шепот разрушил воспоминание. – Вон, видишь, носом дернул.

– Просто муха села, – отозвался другой.

Женский?

Оба голоса принадлежали женщинам. Молодым. И… и он помнил. Точнее вспомнил. Давящее чувство в груди. Зов, который слышал лишь он. И этот зов был столь сильным, что затмил разум.

– Ой, ему плохо! – воскликнула вторая женщина.

– Да нет, – Орика схватили за руку.

– Он стонет!

– Может, в туалет хочет?

Зачем она это сказала? До этого Орик не хотел в туалет.

– Или пить?

И пить не хотел.

– Или ему больно! – возмутилась та, вторая.

– Мели, я как целитель утверждаю, что ему не больно!

Целитель?

Откуда взялся целитель? В храме были, но… даже когда Орику сломали руку, то целителя позвали не сразу. Только когда рука совсем опухла. И то, кажется, исключительно потому, что Верховная жрица вряд ли обрадовалась бы, увидев Орика одноруким…

Странные мысли.

И эти женщины странные.

– Ты еще не целитель, – возразила та, вторая. – И нужно позвать тэру Анхен.

– Не нужно звать тэру Анхен. Не отвлекай ее. У нее любовь.

– Фреда!

– Между прочим, он герцог! И герой! Вон, танерийцев добыл!

– Он их не добыл, а нашел!

– Невелика разница. Главное, что они – здесь…

Понять бы еще, где это "здесь" находится. Впрочем, вариантов немного. С сознанием вернулась и память. Он в поместье. В том самом, куда наставник Ликий запрещал соваться, хотя и эти земли следовало осмотреть…

– А теперь он совсем очнулся, – возвестила первая девушка. – И подслушивает!

– Фреда!

– Мели, он реально подслушивает…

– Он танериец. Что он может подслушать?

– Мало ли… эй ты, открывай глаза, пока я… – девушка задумалась, явно не зная, чем именно угрожать. – Пока я старших не позвала!

Орик глаза открыл. В конце концов, теперь они вряд ли станут говорить о вещах тайных, потому притворяться дальше смысла не видел.

– Понимает! – девушка подпрыгнула и обернулась. – Видишь, Мели? Я тебе говорила!

Девы.

И юные.

Одна совсем-совсем, и такая… забавная. Узколицая и со смешными круглыми глазами, будто увидела что-то ну очень удивительное. И со ртом большим, как у демона… в старых трактатах демонов всегда почему-то большеротыми рисовали.

– Ты нас понимаешь? – спросила она требовательно и пальцем ткнула. Палец оказался на удивление твердым. И Орик охнул, но тут же устыдился. Может, он и не воин, может, не достоин носить доспех, но это ж не значит, что он должен стонать от женского тычка.

– Фреда! Ты ему ребра сломаешь! – вторая оказалась рядом.

– Не сломаю. А если и так, то я же и залечу. В конце концов, я…

Целитель?

Эта вот… сколько ей лет-то? У Орика были сестры, пусть даже познакомился он с ними лишь в шатре отца, но… но все равно девушка совсем юна.

И уже целитель?

И если так, то боги щедро благословили ее…

И отец запросит за такую дочь большой выкуп. Чтоб. Почему эта мысль вообще пришла в голову? Какая ему разница? Тем более, что в здешних обычаях невесту не выкупают.

– Он напуган, – произнесла вторая.

Эта тоже была странной.

Красивой? Да, пожалуй… наверное. Орик ничего не понимал в женской красоте. Он слышал разговоры послушников, когда те обсуждали храмовых шлюх, но… но это другое.

Девушка была хрупкой.

Как первоцвет, что распускается в серой после зимнего времени степи. И яркой. И такой же… удивительной?

И он моргнул, сообразив, что услышал.

– Я не боюсь, прекрасная госпожа, – он постарался выражаться, пусть и без должного изящества, поскольку давно понял, что такового лишен, но вежливо. – Мой дух спокоен, и тело преисполнено благодарности…

– Красиво, – оценила целительница и снова пальцем ткнула. – Ты, главное, благодарность не расплескай, а то диван хороший, неловко выйдет.

– Ай! – вырвалось само. Почему-то у этой пичуги тычки выходили более болезненными, чем удары пудовых кулаков.

– Фреда!

– Да ладно! Я проверяю, как у него нервы работают! И вообще! Это враг!

Утверждение было настолько логичным, что Орик не нашелся с ответом. Он ведь и вправду враг.

– Это еще не значит, что его нужно пытать!

– Я не пытаю. Я помогаю.

Если здешние целители помогают так, то страшно подумать, на что способны местные палачи. По спине поползли струйки пота. И в целом дышать стало тяжело.

– У него пульс участился! – радостно воскликнула целительница. – Я сейчас…

– Стой!

– Помогу!

– Фреда!

– Не обращай внимания, – сказала девчонка, снова ткнув пальцами уже с другой стороны. – У тебя какая-то мышечная скованность наблюдается, что не совсем нормально… а она ничего в целительстве не понимает!

– Как и ты, – вторая девушка скрестила руки на груди.

А все-таки странные здесь люди.

Две красавицы… ладно, почти красавицы, особенно эта, вторая, которая теперь не просто тыкала, а пускала в тело Орика силу. И ощущалась она, как уколы раскаленными иглами. Причем кололи эти иглы во все стороны и так, что…

Орик стиснул зубы, чтобы не закричать.

Пытки?

Или лечение? В любом случае мужчина должен принять и то, и другое с равным достоинством!

Но вопрос в другом. Почему девушки так одеты? То есть ладно, здесь принято носить длинные платья, но… где их украшения? У каждой из сестер Орика были украшения.

Цепочки.

И серьги.

И ожерелья с браслетами. Заколки для волос. Броши и… и мало ли, что ещё придумает женщина. А тут ничего. Совсем ничего. В шатрах отца и рабыни выглядят наряднее…

Очередной укол заставил Орика зашипеть.

– По-моему, ты его сейчас добьешь, – произнесла хрупкая с сомнением.

– Я его исцеляю!

– А по его лицу и не скажешь.

– Между прочим, целительская сила воспринимается людьми, как легкое и приятное тепло…

– Это только если люди – не некроманты, – произнесла третья женщина, и голос ее заставил Орика вытянуться. Он даже моргнул, чтобы глаза закрыть, притворяясь спящим, но потом передумал. – У некромантов и магов смерти свои отношения с целительским даром. И прямое вливание силы воспринимается ими… болезненно.

– Ой, – девчонка отдернула руку и покраснела. – А он… он молчал!

– Думал, что его пытают и готовился умереть с достоинством, – с явным одобрением в голосе произнесла еще одна девица, которая вошла вслед за женщиной. Эта была неимоверно длина и худа. И лицо имела такое костлявое, что Орику точно стало ее жаль. К такой, небось, вряд ли кто посватает… хотя волосы красивые. Белые и длинные, заплетенные в косу, которую девица перекинула через плечо.

– Киара преувеличивает. Это было неприятно, но все-таки не пытки, – а вот эта женщина держалась так, что сразу стало ясно, кто в этом шатре главный.

То есть в доме.

– А он по-нашему понимает! – сказала целительница. – И говорит тоже!

– Вы и поговорить успели?

– Не-а. Собирались. Но не успели, – девчонка вздохнула. – Он смешной. А он и вправду сын хана?

– Сама и спроси, – ответила длинная. И целительница тотчас повернулась к Орику.

– Ты и вправду сын хана?

– Да… младший. Один из… и отец заплатит выкуп, но…

– Сильно не раскошелится, – кивнула девчонка.

– Фреда! – возмутилась та, что походила на первоцвет.

– Мели, ты ж сама меня учила, что правду говорить легко и приятно. Я и говорю. За нас, если так-то, и гроша ломаного не заплатят…

– Почему? – вырвалось у Орика и он поспешно добавил. – Целительский дар такой великой силы… многие воины с радостью заплатили бы за такую невесту.

Девчонка приосанилась, глянула этак, важно… сестры на Орика глядели издали, через полог. И смеялись. И не спешили приближаться.

А эта вот сидит.

Рядом.

И не боится. И не испытывает к нему отвращния.

– О! Если что, в голодный год тебя продадим танерийцам! – воскликнула тощая. Верно из зависти. Ее платье, с виду простое, было сшито из драгоценного заморского шелка. Но вот красоты не добавляло, странным образом подчеркивая и худобу, и излишнюю ровность фигуры.

Будто и не девица, а… палка какая-то.

– Меня хотя бы продать можно. А почему ты такой ободраный? – уточнила мелкая. – А где твой конь? И оружие? И войска…

– Вот только войск нам тут и не хватало… тихо, деточка. Потом поговорите, а теперь помолчи и отодвинься. Мне нужно его осмотреть.

Темная сила окружила женщину облаком, и Орик затаился.

– Вот не стоит меня бояться.

Ту, что держит в руках своих смерть?

– Тетушка Анхен добрая! – заверила та, мелкая. – Она просто ведьма! Ты что, ведьм никогда не видел?

– Нет, – сказал Орик. – Тьма есть зло. Женщина добро…

– А если женщина злая?

Орик несколько растерялся.

– Фреда, ты его путаешь…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.